

Литрес ≡ Классика

Николай Лейкин

ГУСИ ЛАПЧАТЫЕ

Николай Лейкин

Гуси лапчатые

«ЛитРес»

1881

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

Лейкин Н. А.

Гуси лапчатые / Н. А. Лейкин — «ЛитРес», 1881

Сборник «Гуси лапчатые» приглашает читателя в ироническое путешествие по залам, бульварам и за кулисы дореволюционной России конца XIX века. Мастер короткого фельетона разворачивает перед нами целую галерею забавных типажей: от наивных провинциалов, штурмующих столичные выставки, до пафосных городских обывателей, спорящих об искусстве, цирке и модных танцах. Сквозь призму уморительных курьезов и живых бытовых диалогов автор мягко, но точно высмеивает вечные человеческие пороки, доказывая, что, несмотря на смену эпох, суть мещанства и глупости остается неизменной.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

© Лейкин Н. А., 1881
© ЛитРес, 1881

Содержание

Папенькин брат	5
Дачные соседи	9
Около сельтерской воды	11
Повар	14
Ночной извозчик	17
Около бегемота и носорога	20
Весна играет	23
Набег на тараканов	25
Человек-муха	27
Перед тирольками	29
Маскарад с цыганами	32
При получении жалованья	35
На Алексея митрополита	38
На выставке картин Верещагина	40
Дева Дуная	42
Знакомые разговоры	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Лейкин

Гуси лапчатые

Юмористические картинки

Папенькин брат

За полдень. Погода прекрасная. В калитку палисадника нарядной дачи в Павловске входит рослый оборванец. Пальто с дырявыми локтями неопределенного цвета, из коротких рукавов выглядывают костлявые красные руки; брюки в заплатках и с естественной бахромой, на ногах опорки, а на голове измятый плюшевый цилиндр. Лицо оборванца опухши, на виске виден синяк, и из включенных волос торчит приставшее к ним сено. Завтракавшее за столом на балконе многочисленное семейство, увидав оборванца, присмирело и уткнулось в тарелки. Веселые речи прекратились.

– Папенькин брат! – произнес мальчик в гимназическом мундире и толкнул сестру. Маленькая девочка начала коситься на оборванца. Все чего-то ждали.

– Ах, опять! Вот наказание-то! – прошептал отец семейства, полный мужчина с расчесанной бородой и в белом жилете, и совсем растерялся.

– Не тронь его. Лучше мы его куда-нибудь спрячем... – тихо посоветовала ему жена. – А то ведь осрамит, осрамит на всю улицу.

– И тронь – осрамит, и не тронь – осрамит, – поспешно дал муж ответ.

А оборванец между тем приближался к балкону. Навстречу ему побежал лакей, служивший около стола, и остановил его за плечо.

– Куда лезешь! Коли просить, то проси за калиткой! – крикнул он ему.

– Прочь, холуй! Я к брату пришел! – заревел хриплым голосом оборванец. – Кровь Тугоносова явилась к Тугоносову! Зияющий язвами бедный Лазарь приполз на пир к ожирневшему богатому Лазарю!

– Иди вон, говорят тебе, а то ведь и по шапке!.. Вишь, спозаранку глаза-то налил!

– Брысь, смерд презренный! Нет у меня злата, но есть сила. Я и сам сокрушу выю и чресла. Береги лядвия, а то исполнятся поруганием! – И оборванец замахнулся на лакея кулаком.

– Дворник! Степан! – раздался голос лакея.

– А! Облаву на красного зверя делать хотите для потехи брата! Я готов! – завопил оборванец и, став в позу, засучил и без того уже короткие рукава по локоть. – Любуйся, кровь Тугоносова, как псы будут терзать кровь Тугоносова! – кивнул он на балкон отцу семейства и прибавил: – Цирк отменный, а ты, единоутробный брат, проклятому Нерону подобен на этом зрелище.

– Оставь его, Василий! – послышалось с балкона, и отец семейства встал и направился к оборванцу. – Ступай, делай свое дело, – обратился он к лакею.

Лакей отошел.

– Вот так-то лучше, – начал оборванец. – Здравствуй, богатый Лазарь!

Он протянул ему руку. Отец семейства спрятал руки за спину.

– Пойдем в беседку, здесь говорить неловко... – сказал он в сильном смущении.

– Нет, говори здесь. Или родственной крови стыдишься? Так это, я тебе скажу, ложный стыд.

– Не родственной крови, а пьяного потерянного человека стыжусь, утратившего образ и подобие Божие. Не срами ты меня. Смотри, из соседних дач смотрят; на улице, у калитки народ останавливается. Скажи, сколько тебе надо?

– Ничего. Я беден, но честен. Испанского дворянина дона Цезаря де Базана видал, как в театре представляют? Так вот этот самый дон Цезарь де Базан перед тобой и есть. Веди меня на балкон и сажай с собой за стол. Брат к брату на пир пришел и хочет обнять своих племянников и племянниц.

– Нет у тебя племянников и племянниц. Я запретил им называть тебя дядей...

– Ты запретил, но у меня метрика целая, и я всегда могу доказать, что я Тугоносов, что я тебе единоутробный брат и что весь твой приплод – мои племянники. Все пропил, но метрику оставил. Понимаешь?

– Никеша, пощади меня! – умоляющим тоном произнес отец семейства.

– Не хочешь честью на пир пригласить, так я силой войду! – ринулся на балкон оборванец.

– Брат, пощади! – продолжал тот и загородил оборванцу дорогу.

– Ага! Теперь: брат! Ну, с меня этого довольно. Бедный Лазарь щадит богатого Лазаря. Пойдем в беседку.

Отец семейства повел оборванца за дачу и там, втолкнув его в беседку, сел с ним на скамейку.

– Как ты попал сюда? Ведь ты на Валааме был? – спросил он.

– Покаялся и сбежал. Очистил душу, смирился и не выдержал. Ведь там искушения-то еще больше. У семи бесов игралицем был. Продал сапоги и две шемизетки, дарованные твоей женой, моей невесткой, и на пароход. . . В Павловск из Питера пешком, зане яко благ, яко наг, яко нет ничего. Вот он, салоп-то мой, до чего истаскался! – рассказывал оборванец. – Да что ж ты?.. Доне муа манже и буар!.. А пуще всего буар. . . Знаешь есть сказано: алчущего напитай, жаждущего напои. Может, и мне еще на том свете придется влажным перстом усладить твой раскаленный язык.

– Ты, Никифор, дурака-то не строй, а говори лучше толком, что тебе надо? – перебил отец семейства оборванца.

– Разве гостя спрашивают, что ему надо? Олух царя небесного! Прежде ставь брашна и пития, а потом поговорим, – стоял на своем оборванец. – Сзывай семью, пусть дядю чествуют. Обмой меня, одень, исцели раны мои.

– Брат, возьми отступного и иди восвояси. . . Не конфузь меня. Ты человек умерший для общества, а я живу. Тебе стыд – ничего, мне. . . Хоть ради родства удались! Я тебе дам и на брашна, и на питвы, и на исцеление язв.

– Комбьен?

– Вот тебе десять рублей.

– Пятьдесят и бутылку коньяку финь шампань. Старину хочется вспомнить.

– Да ты в уме ли? У меня семейство. Разве я могу бросать такую сумму? Ведь ты пропьешь. Ну, пятнадцать.

– Тридцать и бутылку коньяку.

– Бери две красненькие и проваливай! Тут тебе и на коньяк хватит.

– А коли так, прощай! Пойду по твоим знакомым пяточки собирать, – сделал движение оборванец. – Смотри, я и к соседям твоим зайду, буду им рассказывать, что я тебе брат, что я Тугоносков, паспорт им покажу! Паспорт со мной. Пойду в полицию. Но тогда хуже тебе будет.

– Бесстыдник ты, бесстыдник! Ну, получай двадцать пять рублей.

– Бесстыдник! А у тебя стыда много? Давай четвертную, делать нечего, но прикрой мою наготу вретисцем достойным.

– Сейчас я принесу тебе пальто. . . – тронулся с места отец семейства.

– Да захвати чего-нибудь бутылку. В пальто ее завернешь, так и не будет заметно! – крикнул ему вслед оборванец.

Через минуту оборванцу было вручено пальто, деньги и бутылка вина.

– А прижать к дядиной груди племянников не дашь? – спросил он.

– Не дядя ты им. Получил и иди, да, пожалуйста, больше не являйся сюда в таком виде. Ну, с Богом! – махнул рукой отец семейства.

Оборванец пошел той же дорогой, по которой пришел, но перед балконом остановился и, обратясь к сидящему на нем семейству, крикнул:

– Прощай, невестка! Прощайте, племянники! Брат, дай хоть папироску! – сказал он, но, увидав, что ему махают рукой, чтобы он уходил, продекламировал, указывая на роскошно убранный сад:

Не дивись на эти вазы,
Ожерелья и цветы!
Ни червонцы, ни алмазы
Не спасут от нищеты!..

С этими словами он вышел из калитки. У калитки на улице стоял кучер и курил махорочную папиросу.

– Снабди, земляк, окурочком на пососанье, – попросил у кучера оборванец.

Кучер дал. Оборванец затянулся и крикнул:

– Кучер брата снабдил кровью Тугоносова папиросой, а сам брат отказал этому Тугоносову в папиросе из жадности! Руку, товарищ! Передай своему хозяину поклон от его брата Тугоносова! Что глядишь? Не веришь? Я брат твоего хозяина!

Дачные соседи

Семейство только еще что переехало с вечера на дачу на Черную речку. Наутро старшие члены семьи еще спали, как вдруг в саду раздался плач ребенка. Мать тотчас же спрыгнула с постели, накинула на себя юбку и с растрепанной головой выскочила на балкон.

– Что такое случилось? Что с Петенькой? – испуганно спросила она.

– А соседский мальчик его укусил, – отвечала нянька. – Ах, какой озорной ребенок! Батюшки мои! Даже и личико ему до крови исцарапал.

– А ты чего рот-то разинула! Ты должна охранять ребенка.

– Да кто ж его знал, что он такой? Пришел поиграть с Петенькой, я ему еще, как путному, сахарный сухарик дала, а он и свой съел, и Петенькин. Петенька, известно, уперся, не дает ему своего сухарика, а тот как тяпнет его за руку да по лицу когтями... Ну и отнял.

За палисадником, отделяющим одну дачу от другой, появилась усатая физиономия в халате.

– Пардон, мадам, что я в таком виде... – произнес усач. – Но я сейчас же отпорю моего ребенка как сидорову козу. Неприятно только, что мы знакомимся при подобных печальных обстоятельствах. Рекомендуюсь: отставной капитан Гусынин. Что же касается до уничтожения сухарей моим сыном, то я сейчас вам вместо двух целый десяток пришлю.

– Это совершенно излишнее, но зачем же так шалит ребенок... – конфузливо запахла ночную кофточку мать. – Надо смотреть за ребенком.

– Вовсе даже не излишнее. А насчет сечения прикажете, чтоб я в ваших глазах его выдрал?

– Оставьте его. Но должно все-таки наблюдать за своими детьми, ежели они кусаются.

– Как оставьте? Нет, нет-с, это невозможно оставить. Должен же я вам дать какое-нибудь удовлетворение! К тому же прутья здесь свежие, отличные. Мародерство я преследую жестоко! Ваше прелестное имечко?

– Людмила Николаевна.

– Шарме, тысячу раз шарме! Надеюсь, что мы будем знакомы и вы подружитесь с моей женой. Катюша! – крикнул усач жене. – Ах да... Я и забыл, что она в мясную лавку ушла. До свидания. Еще один вопрос: ваш супруг в преферанс или винт играет?

Но дама уже удалилась с балкона в комнаты.

Через пять минут семейство пило чай. К отворенному окну подошла кухарка и поклонилась.

– Здравствуйте, милая барыня. Я соседская... У капитана живу, – заговорила она. – Не одолжите ли вы нам большой кастрюльки на подержание? Барыня у нас купила две ноги и губу и приказала студень варить, а как его в маленькой кастрюльке сварить? Прошу, прошу, чтобы большую кастрюльку купили – что к стене горох! Вот и побираемся по соседям.

– Нам кастрюлька большая самим сегодня будет нужна, – отвечала хозяйка.

– Ах, грех какой! Ну, в чем я буду варить? Ну, пушай сама как хочет... Да и то сказать, и давать-то ей не стоит. Уж такая выдра пронзительная, что Боже упаси. Сама по лавкам за провизией бегаёт. Только до места у них и живу. Не услышите ли, сударыня, где хорошенького местечка? По гроб жизни... Ах, уж как развязаться хочется с этими аспидами! Сегодня, вдруг, что же... Заподозрила меня, что я у ней банку бабковой мази себе на голову вместо помады вымазала! Потом насчет спичек... «Словно, – говорит, – ты, Акулина, ешь спички – столько их у нас выходит». Акулиной меня зовут. Ну, извольте видеть, вдруг такое слово... Стану я спички есть! Да что я, басурманка разве белоарабская какая! Те действительно всякую дрянь едят. А уж житье-то какое! Господи! Иному псу в доме лучше. Каждый кусок учитывает. Теперича отчего наш маленький барин у вашего ребенка сухарик отнял? С голоду. В других

вон домах кухаркам-то горячее отсыпное полагается, а у нас опивки со стола. Что подешевле, что люди кошкам в мясных лавках покупают, то у них за говядину идет, то и жрут. И ведь хоть бы только делом занимались, а то только болты бьют да слонов водят. Барин кого в карты обыграет – тем и жив. Разбила тут как-то я миску по нечаянности. Ну, просто бес полуденный под руку подтолкнул...

– Довольно, довольно, милая! Это нам вовсе не интересно слушать! – перебил ее барин. – Иди с Богом.

– Ну, и на том спасибо. И на том довольны... – поклонилась кухарка и отошла от окна.

Барин закурил папиросу и вышел на балкон. Утро было прекрасное. Вдруг с противоположной стороны, где жил капитан, перелетел через палисадник резиновый мячик.

– Ах, какой ты несносный мальчик, Сенечка! – послышался женский голос за палисадником, хотя барин очень явственно видел, что там никакого мальчика не было, и вслед за этим возгласом в калитку садика лезла набеленная и нарумяненная дама.

– Простите за беспокойство, – сказала она. – Но я вхожу в ваш сад только поднять мячик, – заговорила она с ужимками. – Удивительно, какие шалуны бывают дети! Не стесняйтесь, не стесняйтесь! – остановила она барина, видя, что тот, запахнув полы халата, начал уходить с балкона в комнаты. – Видите, я сама в капоте. Ежели соседи будут друг перед другом стесняться утренней одеждой, то какая же после этого будет дача? На даче отдых нужен. К тому же вы только вчера еще к нам переехали по соседству. Кстати, позвольте познакомиться: Елена Михайловна Звонкова. Муж мой – надворный советник. Сейчас видела вашу супругу. Она на заднем крыльце у рыбака сига на ботвинью покупала. Хотя я и не сказала с ней ни одного слова, но сейчас видно, что прелестная дама. Такую даму нельзя не любить. Да вы и любите ее. Вчера мы с мужем и то уже любовались на вас, когда вы, приехавши из города, обняли и поцеловали ее три раза. Очевидно, вы ее очень балуете. Вот меня так муж не балует. Не отрекайтесь, не отрекайтесь, Иван Игнатьич... Видите, я и имя ваше узнала. Не отрекайтесь, говорю, я очень хорошо сквозь забор видела, что вы ей новый зонтик привезли и подарили. Душевно бы желала познакомиться с вашей супругой. Она такая прекрасная, экономная хозяйка. Вот у сига выторговала-таки гривенник, а я не могла выторговать. Я ведь все видела. И как же мне у ней учиться надо! Я совсем не умею с мужиками... Вон ваша соседка, капитанша, так та с разносчиками зуб за зуб. К слову сказать, не дай бог, чтобы ваша супруга с ней сошлась. Впервые, поведение у них... Видели, вчера к ним молодой человек в очках приезжал? Ну, это друг ее. Понимаете? Кроме того, с железной дороги инженер... Тем и живут. А сам капитан видит и будто бы не видит. Вы понимаете?

– Право, сударыня, мне не интересны эти сплетни, – вырвалось у барина.

– Да, это совершенно справедливо, – согласилась дама. – Что нам до людей... Но все-таки, я считала своим долгом предупредить. До свидания. Я еще приду познакомиться с вашей супругой. Кстати, вы играете в преферанс? Ежели играете, то мой муж – страстный преферансист.

– Сосед! Позвольте пройти заднему соседу через ваш палисадник на улицу. Бабы рассказывают, что здесь семь верст ближе! – послышалось у самого балкона восклицание бородача. – Честь имею представиться! Частный поверенный Хлобунцов...

– Выпорол-с! – раздался голос у калитки, и с улицы в палисад лез капитан, в сером охотничьем пиджаке с зеленой оторочкой и в военной фуражке. – А, и сам глава семейства здесь! А я думал, с супругой разговариваю. То есть так выпорол своего сынишку вам в удовлетворение, что небу было жарко. Капитан Гусынин... Прежде чем протянуть руку, Иван Игнатьич, позвольтека узнать: преферансист вы или винтист? Винтист, винтист! По лицу вижу, что вы винтист! Ну, теперь здравствуйте.

Капитан развязно вошел на балкон, протянул руку соседу, сел без приглашения и сказал:

– А славная у вас дачка, черт возьми!

Около сельтерской воды

В одном из скверов молоденькая и хорошенькая девушка с черными глазками сидит в будочке и продает сельтерскую воду. На прилавке виднеются вазочки с вареньем, стаканы, бокалы, сахар толченый на блюдечке под металлической сеткой. Подходит молодой человек в ученической форме. Ус пробивается, подбородок уже скоблен, лицо угреватое.

– Позвольте мне, мадемуазель, сельтерской воды, – говорит он и бросает на девушку блаженный телячий взгляд.

– С сиропом прикажете? – спрашивает она.

– Зачем же мне сироп, ежели вы слаще всякого сиропа! Я буду смотреть на вас, и мне будет слаще всякого сиропа. Не понимаю, зачем вы и газовую воду продаете. Из ваших ручек и простая невская вода покажется газовой, ибо вы сами существо газовое, эфемерное!

Молодой человек выпалил, очевидно, заранее приготовленную речь, вздохнул, покраснел, но тотчас же получил отпор.

– Ах, какие вы глупости говорите! – проговорила девушка, ставя перед ним стакан с водой, и прибавила: – Пейте же скорей, а то весь газ уйдет. Какой же тут будет смысл в шипучей воде?

– Я уже сказал, что вы сами газ. Теперь попрошу вас только передать мне стакан прямо из ваших прелестных ручек.

– У меня руки трясутся. Берите сами.

– Верно, кур воровали? Вы не обидьтесь, но это такая поговорка. Хорошо, я сам возьму. Ах, какая прелесть, когда пьешь и глядишь на вас! Теперь мне эта вода кажется божественным нектаром, а вы Гебой, подносящей нектар. Вы Геба!

– Пожалуйста, не сравнивайте меня со всякой дрянью. Я не бог знает какая. Ошибаетесь.

– Как с дрянью? Да ведь Геба-то кто такая?

– Какая-нибудь шлюха и больше ничего.

– Богиня, олимпийская богиня. Вот сейчас и видно, что вы не знакомы с мифологией. Советую познакомиться.

– У меня и без Мифологии есть подруги, и я в новых не нуждаюсь. Выпили и идите.

Из-за угла будки к разговору прислушивается приличный старичок с плотоядной оттянутой нижней крупной губой.

– Зачем вы к девице пристаёте с сальностями, молодой человек? – начинает он, подходя к будке. – А еще в форме!.. Идите, а то я...

Молодой человек отскакивает.

– Пришел с глупостями, назвал меня какой-то немкой да еще с какой-то своей знакомой мне познакомиться советует, – жаловалась на него девушка старичку.

– Пошляк, так чего же вы хотите?.. – отвечает старичок, скашивая на девушку глаза. – У вас, милая моя, пост ужасный, на таком посту можно многого послушаться, а вы достойны лучшей участи. Бросьте пост и...

– Да я вовсе и не пощусь, с чего вы взяли?

– Ах, я вовсе не про то. Вы не понимаете. Впрочем, эта наивность делает еще милее ваши черненькие глазки-таракашки, ваши бархатные ручки, ваши...

– Вам с каким сиропом? – прерывает его девушка.

– Это зависит от вашего выбора. Давайте хоть со всеми сиропами вместе. Не понимаю только, зачем вы торгуете водой, когда вы сами вся огонь! Вода тушит огонь, а зачем же утрачивать дар, которым вы так щедро награждены природой?

– Я вам с тремя сиропами налила, только ведь это будет дороже стоить.

– Для вас я не понимаю слова «дорого». Хоть по рублю за стакан. Вы девица?

– Старичка поите? – раздаётся над самым его ухом голос длиннополого сюртука с рыжей бородой. – Вот и отлично. И мы рядом со старичком станем. Пожалуйте-ка и мне, барышня, стакашек шипучки. Пил сейчас у мальчишки из кувшина квас лимонный, да что-то мутить начало. Уж и квас же нынче этот самый! Пьешь, так даже лик на сторону воротит. Должно быть, что-нибудь туда нечистое подмешивают.

– Ты, любезный, пить пей, а людей не задирай! – наставительно произнес ему старичок. – Понял?

– Как не понять, не махонький. А только чем же я задрал вашу милость?

– Нечего тебе разбирать, кто старичок, кто младенец. Ты моих лет не считал. Мне вот кажется, что ты олух, однако я об этом ничего не говорю!

– И на том спасибо. По крайности шипучки от ваших куплетов с приятством попью.

– Вам воды с сиропом или с сахаром? – задает вопрос девушка.

– Голенькой. И водку голенькую потребляем и воду такожде... – отвечает длиннополый сюртук, проглатывает стакан сельтерской воды и говорит: – Вот так чудесно! Индо дух захватило и чихать хочется. Авось лимонный-то квас из себя вычихаю. Еще стакашек!

– Вот вам рубль, а за сдачей я потом вернусь, – сообщает старичок, кладя на прилавок кредитный билет. – Я вот здесь рядом на скамеечке сидеть буду.

Длиннополый сюртук смотрит ему вслед и кивает.

– Не понравилось барину-то, что я его стариком назвал, – сказал он. – Поди, подлащивался он к вам, барышня? Ух, важно! Еще.

– Так много сельтерской воды пить вредно, – улыбается девушка.

– Кому на вред, а нам на спасенье. Уж куда ни шло, на целый двугривенный высажу, только бы прочихаться, а то даже в носу свербит от лимонного квасу. Вода проскочит. Да и пьется же около вас таково знатно!

– При чем же я-то тут?

– Оченно уж вы гладки да из себя аппетитны и даже можно сказать, что твой кулич. Приставал, поди, к вам старичок-то? Еще баночку! Вот так... Даже поджилки затрепетали – вот до чего шипучка проняла! Приставал, я уж вижу! Да и как не приставать? Где сахар, там и мухи. У меня вот дома жена в три обхвата, а и я на манер мушиного сословия около вас. Знатно вы, барышня, на этом месте торговать должны. Ну-с, сколько с нас?

– Двадцать одна копейка.

– Копеечку-то спусти для ровного счета. И то барыша-то барка. Вот двугривенный.

– Нельзя, нельзя. У нас не торгуются.

– Эх, какая! Ну, да уж получай. И то для тебя только. Ради твоих пронзительных улыбок насчет нашего сердца.

Длиннополый сюртук отошел, старичок было ринулся к будке, но перед будкой уже стоял фронт, в лошеном цилиндре, с пенсне на носу, в огненного цвета перчатках, и говорил:

– Дайте мне, моя прелесть, стаканчик сельтерской воды с клубничным сиропом, но при этом улыбнитесь вашей очаровательной улыбкой и покажите свои перламутровые зубки. Ну, вот... Увидел зубки и уже предвкусил блаженство.

– Ах, какие вы насмешники! – кокетничала девушка.

– Чем же? Помилуйте! Ежели перенести вас из-за прилавка в роскошный будуар, вы могли бы пожинать тысячи, а не пяточки. Да и скажите мне: место ли вам здесь? Глазки, щечки, зубки, ручки, все прелестное на виду, а ножки, которые должны быть еще в тысячу раз прелестнее, спрятаны за прилавком. О, ежели бы я был счастлив хоть раз увидеть эти ножки! Можно мне за прилавок?

– Что вы! Что вы! – крикнула на него девушка.

– Но у меня отскочила пуговица от перчатки и упала за прилавок, так я ее поднять.

– Все-то вы выдумываете и врете!

- Вы до которого часу здесь торгуете?
- До одиннадцати.
- Так я приду именно в это время, и мы отправимся гулять в Летний сад. Потом можно в «Самарканд» ужинать.
- Совсем не в ту центру попали. Я с незнакомыми мужчинами гулять не хожу.
- Да ведь уж я познакомился с вами.
- Какое же это знакомство, коли вы встречный-поперечный. Ошибаетесь, не на такую напали. Да за мной сюда, кроме того, и маменька моя приходит каждый вечер.
- Маменьку мы побоку.
- В это время к будке снова подсакивает старичок.
- Молодой человек, это уж слишком! Я прислушивался к вашему разговору. Так молоденькую девушку оскорблять нельзя! – строго говорит он.
- Оба смотрят друг на друга зверем.

Повар

– Повар там к тебе, Тит Савич, наниматься пришел, – сказала купцу Ледошкину жена, робко заглядывая в кабинет, где купец, проснувшись после после обеденного сна, «валандался» на диване в ожидании самовара. – Только лик-то у него какой-то невообразимый.

– А что?

– Да зверский. Словно он надулся и жилится, а глаза совсем вон и даже перекосило. Не то облизьяна, не то пес мордашной породы, и голос словно в бочку...

– Это-то и хорошо. У аристократов всегда такие повара, а мне такого и надо. В таком виде он будет украшение кухни. Давно я о зверском поваре мечтал.

– Полно, да после него и есть-то страшно.

– Ничего-то ты, посмотрю я на тебя, не понимаешь. Учю, учю, а все не впрок. Ну, как с тобой после этого на аристократической ноге жить? Ты должна чувствовать, что ты уже не прежняя Анисья Пантелевна, а коммерции советница. У тебя вон настоящий генерал, как у модной дамы, даже руку целовал, а тебе все равно. Повар чем страшнее из себя, тем он больше ценится. Ну, вели его сюда в кабинет позвать! Сейчас ему наем будет.

– А мне можно послушать?

– Слушать-то слушай, но только в разговоры не ввязывайся и держи себя солидарно.

Вошел повар, поклонился и икнул, придерживая рукой подбородок. На вид это был совсем бульдог, стоящий на задних лапах и облаченный в сюртук. Глаза были красны, навывкате, и вращал он ими необычайно.

– Чего ты икаешь-то? – спросил повара купец, пристально рассматривая его с ног до головы и даже ткнув его в плечо кулаком, как бы желая испробовать, крепок ли тот на ногах.

– Жена испортила, и завсегда об эту пору икота... – прохрипел повар, прикрывая рукой рот.

– На вид ничего, совсем графского закала... – пробормотал купец себе под нос. – Что это у тебя глаз-то?... – спросил он.

– А это еще в юности гусь мне кусок мяса вырвал. Резал я гуся...

– Ты не пьешь ли, смотри...

– А вот как, господин... Поставьте сейчас запечатанную четвертную передо мной и запирайте меня с ней на ночь – как была, так и останется, при всем своем нетлении. Водка мне даже претит. Мы поведения трезвого.

– А что ж от тебя попахивает таково сильно?

– Это пивом-с... Без пива нам, действительно, нельзя, потому, учтите сами, все около плиты. Стомит, ежели без пива. Коньяк малость потребляю... И то потому, что он в кушанья идет, так для-ради пробы.

– Ну, и коньяком можно нализаться...

– А мы берем его в рот на вкус по нашему поварскому званию и сейчас же сплевываем. Насчет этого будьте покойны... Соблюдение трезвости у нас обширное.

– Мне главное, чтоб не до упаду...

– На ногах тверже меня и поваров нет. Аттестаты имею...

– Ты по аристократам-то служил ли?

– Помилуйте, мы ниже генеральской кухни не унижались. У графа Бабурина шесть годов выжил. И посейчас бы существовал, да интрига от мясника оказалась. У княгини Звонецкой год... там с дворецким не поладил. У Зверообразова... Там я на кулебяшном положении. По кулебяке и заливным мы первые в Питере. Такой заливной оттяжки ни у кого, кроме меня, не встретите... Чиста, как слеза... Но мы и купеческие блюда, на купеческий вкус можем...

– Нет, нет, мне только аристократов кормить, потому у меня парадные обеды.

- Однако ведь в простые, не гостинные дни сами что-нибудь кушаете...
- В простые дни у нас разносолов нет. Щи, каша, солонина либо студень...
- Людской стол-с? Понимаем-с... Но ведь и в людской стол можно художество пустить. Возьмем студень – то же заливное... Сейчас мы его с огарком внутри, чтоб огонь горел. Про генерала Кувалдина слыхали? Предводителем в Балабаеве был... От моих щей с головизной дух испустил. До того кушали, что тут же за столом после четвертой тарелки... Вот оно что, вкус-то... А, кажись, простые щи.
- Ты квас-то делать умеешь ли? Вот я квас люблю... – задал вопрос купец.
- Насчет квасу недоразумение... Вот ежели бараний бок с кашей желаете...
- Что про это толковать! Это пустое дело. Главное – аристократическая еда чтоб была у нас в порядке. Я с генералами и графами больше знакомство вожу. Ты суп-то из разного зверя мастеришь ли?
- То есть как это? – недоумевал повар.
- Ну, чтоб не говяжий, а, там, из непоказанной твари. К примеру, из черепахи...
- А-ля тортю? В лучшем виде. Пюре из дичи, пюре из спаржи – все могу.
- Рога у козы золотить можешь, ежели на жаркое?..
- Букеты цветов из кореньев делаю, а вы про козьи рога!.. Козьи рога золотить – нам все равно что плюнуть. У князя Галицкого медвежьё голову раз фаршировали...
- Ну, вот и мне на первый же парадный обед голову зафаршируй.
- А медведя где возьмем? По аристократическому положению медведя, сударь, надо вам самому на охоте застрелить и уж потом...
- В курятном ряду застрелим.
- Это медведя-то? Нет, сударь, медвежьё головы в курятном ряду не продаются, – покачал головой повар. – Так медвежатину подать – окороком, то мы из свинины переделать можем в лучшем виде, а головы не подашь.
- Из свинятины медвежатину? – переспросил купец.
- Да-с... Имитасьон. В графских домах таким же порядком морочим. К этому нам не привыкать стать. Черепаховый суп тоже имитасьон. Черепаха у нас из телячьих головок при кайенском перце и на мадере делается.
- Ах, шут гороховый! – захохотал купец и упер руки в боки. – Эдак ты, пожалуй, в посту и карася можешь превратить в порося!
- Чего вы сумлеваетесь? Превращали. У графа Ахлобыстьева архирей обедал, так мы индейку в котлеты из судачиного тельного преобразовывали, сладкое мясо в налимыи молоки для соуса трафили.
- Когда ж ты пробу своего художества можешь показать?
- А хоть завтра, ежели благоугодно будет.
- И порося в карася превратишь?
- В лучшем виде. Извольте гостей звать.
- Ну ладно. Тогда я вот что... Я тоже в пятницу протопопа нашего позову и игуменью Улиту, что вот теперь за сбором сюда приехала и мается. Как тебя кликать-то?
- Денисом.
- Ну, это тоже хорошо, что не Иваном. А то Иванов как собак нерезаных.
- А ты мне, Денисушка, дашь постряпать у себя в кухне, ежели в будние дни? Очень уж я люблю сама пироги загигать, – ввязалась в разговор жена купца.
- Тебе что сказано? – строго спросил ее купец. – Не можешь помолчать?
- Первый раз, первый раз всего... – оправдывалась жена.
- Ну, то-то. Так сколько же, Денис, тебе жалованья? – спросил купец повара.
- Дайте прежде у вас на кухне отличиться, а там уж и разговор о жалованье будет, – отвечал повар.

– Люблю за это! – ударил его купец по плечу. – Поди к нашему артельщику и выпей. –
Сейчас я тебе пару пива пришлю.

Повар поклонился и вышел из кабинета.

Ночной извозчик

У входа в Демидов сад, на Офицерской, стоит целый ряд извозчицких линеек, приткнувшись задками к тротуару. На линейках сидят извозчики. Некоторые стоят около лошадей. Тут же бродит саечник с лотком саек, яиц, рубца и печенки, гуляет сбитенщик, покрикивая: «Кого угощать?» Торговля идет успешно. Городовой около и дружески разговаривает с извозчиками. Майская ночь. Разъезд из Демидова сада еще не вполне начался, но все-таки из подъезда время от времени кой-кто выходит.

Вот вышли мужчина с дамой.

– Извозчик! К Семеновскому мосту! – нанимает мужчина.

– Рублик положьте, – отвечает, как бы нехотя, один из извозчиков.

– Как рублик? Да ты в уме? – возмущается мужчина.

– Пока еще не пропили... – слышится ответ.

– Господин, садитесь, я за полтора рублика свезу, – говорит второй извозчик.

– На Егорьевской пожалуйста... за семь четвертаков доставлю, – дразнит третий извозчик.

И слышен смех.

– Ха-ха-ха! – закатываются они хохотом.

– Сорок копеек! – предлагает мужчина и идет дальше.

– Хлебали ли, барин, щи-то сегодня? – слышится ему вдогонку. – Тонко ходите – калоши отморозите! Для променажа, барин, лучше пешочком! С променажа спится!

– Извозчик, к Семеновскому мосту полтинник! – восклицает на ходу мужчина, пропуская извозчицьи остроты мимо ушей.

– За рубль с четвертью садитесь, – откликается борода лопатой с линейки.

– Вам куда? Вот я за рублик свезу! – подбегает к мужчине борода клином.

– Полтинник к Семеновскому мосту!

– Или только один полтинник в кармане и звенит? – опять слышится вдогонку.

Мужчина оборачивается к извозчику и сжимает кулаки перед его носом.

– Благодарю Бога, мерзавец, что я с дамой, а то я тебя проучил бы!

– А что ж, проучи! Не больно страшен! Видали! Шестерка – и больше ничего!

– К Семеновскому мосту полтинник!

– Дайте восемь гривенок!

– За шесть гривен свезу, садитесь.

– Полтинник, – стоит на своем мужчина.

– Неужто вам гривенника-то жаль? Прибавьте хоть пятачок! Эх, садитесь! Была не была!

– Чего ты, черт, за полтину сажаешь! – упрекают извозчика другие голоса.

– Ничего, в такое место едем. Авось от Марцинкевича пьяного посажу. Теперь там у Семеновского моста скоро тоже разъезд будет. Садитесь, барин!

– Черт! Дьявол! Только цену портит. А вот не пускать его другой раз в ряд становиться! Сели, поехали.

– Что вы за разбойники, извозчики! Уж ночью, так ободрать седока хотите! – начинает седок.

– Ночью-то и взять, господин. Тоже вот у подъезда-то час маемся, – дает ответ извозчик.

– Однако нельзя же полтора рубля запрашивать. С меня вон один мерзавец...

– Отчего нельзя? Дают. Коли ежели при барыне да с мухой в голове – даст.

– Да, ежели который наворовал деньги – тот даст.

– Нам все равно. Мы и наворованные деньги возьмем. Купец даст, офицер даст. Купчик и пару кенаречных заплатит.

– Но я не офицер и не купчик.

– Да ведь на лбу-то не написано, что не купчик. А все-таки вы с барыней. Не всякая тоже барыня своему мужчине торговаться позволит. Что извозчик спросил – ну, за то и садись. Да и мужчины-то стыдятся при барыньках торговаться. Мы это знаем. А иная так просто и не пойдет, потому подумает, что у кавалера денег нет.

– Так ведь то барыня другого полета, а я с женой... – говорит седок.

– С женой? – протянул извозчик и обернулся. – А что ж не ругаетесь, коли с женой? Ну, да нам все равно! А вот ехали бы с мамзелью, так не торговались бы. Мы мамзелей любим возить с кавалерами. Ночью с таких парочек можно хорошо взять. Ежели дождь да при крытой линейке, так нашему брату от сих мест до Бореля, в Морскую, по полтора рубля зачастую попадает. Ночью, сударь, особая езда. Ночью лошадь не мучишь, а вот посадил от киагра за рублик, приехал сюда и отсюда за рублик, да еще из какого ни на есть пропойного заведения за рубль, так с нас и довольно. Пожалуй, хоть и на фатеру поезжай, а то встань в укромном месте да и дрыхни сколько в тебя влезет. И себе двугривенный за голенищу спустишь, и хозяин не ругается. Хорошо тоже пьяных от Бореля или от Палкина возить.

– Да вы, ночные извозчики, – совсем мазурики! – возмущается седок.

– Уж и мазурики! Мазурики грабят, а мы обшиваем только пьяного. Порядится он, к примеру, за полтину, а привезешь ты его на место – восемь гривен с него требуешь, а нет, так и рубль. «За рубль, мол, рядились». Что ему, сударь, лишняя полтина? Будто пропил. Да и как ночью не взять лишка? Не спим тоже...

– Берите лишнее за ночную езду, но не вчетверо же! Ах, как надо вас таксой обуздать! Не понимаю, что наша дума глазами хлопает на ваши безобразия.

Извозчик ухмыльнулся.

– А будет такса, то мы по ночам и выезжать не станем. Да и что нам такса? По таксе мы и ездить не будем. Как кто без ряды лезет – «у меня лошадь устала, на фатеру еду, гайка вывалилась, лесора не в порядке»; а с торгов садится седок – «милости просим».

– Сядет с торгов, а заплатит по таксе.

– Так-то оно так, только не все же такой низкой совести, чтоб извозчика забижать.

– А вам седока обижать можно?

– С нашей стороны обиды нет. Не хочешь – не поезжай. Дело не подневольное. На то Бог ходули в брюхо ввинтил, чтоб человек пешком ходил. Да и каков нам интерес тверезого человека по ночам возить, али бы и хмельного, ежели он с женой? Мы с мамзелью ищем. Посадишь и везешь первым манером шагом. А мамзель сейчас своему хахалю: «Душка, вели, чтоб извозчик ехал скорей!» Ну, он из любви к ней: «Извозчик, пошел, я тебе прибавлю!» И тут, значит, опять перепадет нашему брату. А вас теперь как угодно вези. Нешто супруга велит прибавить? Ни в жизнь не велит. Вот я ошибся, а то бы не повез вашу милость. Так уж мне, что к Семеновскому-то мосту рядили, а там вертеп этот Марцинкевичский, а то бы на тверезого и внимания не взял. Теперь уж там надо хорошего хмельного седока с мамзелью ловить. Офицера посадил бы и тверезого, куда он хочет. Офицер, ежели его ездой уважить, он по ночам всегда прибавку дает. Купца тоже возить лестно, ежели он пьяный. При расчете ему нагрубишь – он тебя в ухо, а ты его к городовому. Ну, потом мировая, отступного дает. По ночам-то, сударь, многие извозчики хорошие деньги наживают.

– И это, по-твоему, не мазурничество? – вразумлял седок извозчика.

– Какое же мазурничество? Я от него потерпел, так и он от меня терпи, – стоял на своем извозчик. – Обшивка легкая есть, это точно, а мазурничества нет. Да ведь и нашего брата, сударь, иной седок обшивает.

– Как так?

– А в проходной двор удерет. А то так поднимется по одной лестнице, а спустится по другой.

– Ну, уж это редкость.

– Так то часто, что ой-ой! А то на такого пьяного нарвешься, что у него гроша за душой нет. Привезешь, дворник примет его в ворота, а тебя в шею. Ноне с дворником драться не будешь – он сам на манер полиции через эту самую бляху.

– Пстой направо у подъезда, – приказывает седок.

– Прибавьте, ваше благородие, что-нибудь. Ей-ей, за полтину возить обидно. Кажется, я вашей милости ездой уважал в лучшем виде, – заканючил извозчик и снял шапку.

Около бегемота и носорога

Зоологический сад. В теплом помещении, где стоят клетки бегемота и носорога, – густая толпа разношерстного народа. Все стараются протиснуться ближе к клеткам. Слышны ахи, охи, каждый делает свои замечания вслух, идут расспросы, толки.

– Бегемот бегемотом, а кошелек все-таки надо убрать подальше, а то живым манером выудят! – восклицает какой-то купец.

– Неужели же вы полагаете, чтоб благородная дама?.. – оскорбляется стоящая около него женщина в шляпке с задранными кверху полями.

– Не об вас, сударыня, речь, а только мало ли тут мазуриков шляется? Долго ли до греха... А береженого Бог бережет.

– Однако я около вас стою, а не кто-либо другой. У меня муж надворный советник и кавалер.

– Чужая душа – потемки. На лбу ни у кого не написано... А пословица не даром говорит: подальше спрячешь – поближе возьмешь. Но зачем же принимать так близко к сердцу?

– Невежа! Был бы муж мой со мной, он бы тебе показал.

– Господа! Посмотрели и будет. Не узоры какие на звере написаны. Нечего его разглядывать, дайте другим подойти поближе! – раздается возглас. – Марья Ивановна, пожалуйста!

– Вы плечами, ваше высокоблагородие! Тут народ без понятия насчет этого.

– Дозвольте генеральскому ребенку посмотреть! – трогает за плечо какую-то чуйку нянька.

– А покажи паспорт, что он генеральский. Здесь, милая, что генеральский ребенок, что старик – все единое стадо. За свой грош – всяк хорош.

– Вас честью просят, из учливости...

– Оставь, нянька, не спорь, – делает ей замечание худая и бледная дама.

– Это бегемот-то! Ах, боже мой! Совсем на манер как бы свинья... – восклицает полная дама.

– Они, сударыня, свинячьей породы и есть, – отвечает длиннополый сюртук. – Даже хрюкают.

– Представьте, я воображала его страшнее.

– Щенки еще, – рекомендует их даме чиновник в фуражке с кокардой. – Больших нельзя везти сюда... А вот уже как подрастут... Тут самка и самец.

– В Париже я видел взрослого, – замечает какой-то фронт. – Так, верите ли, тамошний гиппопотам такого размера, что даже в это помещение не войдет.

– Как вы его называли?

– Гиппопотам, мадам.

– А ведь это бегемот. Вот даже и на дощечке написано.

– Его зовут и бегемот, и гиппопотам, и нильская лошадь.

– Нильская лошадь, вы говорите, господин? А нешто актер Нильской на этой животине ездить будет? – задает вопрос длиннополый сюртук.

– На юридические вопросы я не отвечаю. В бытность в Париже, сударыня, я видел...

– В реке Ниле ловится, ну, вот и нильская лошадь, – поясняет сюртуку чиновник.

– А я думал, что актеру Нильскому для игры такую лошадку приготовили. Их, барин, из Сибири с Ледовитого моря привезли?

– Нет, из жарких стран. Из Абиссинии.

– Из Апельсинии? Ну, там, конечно, солнце и день и ночь жарит. Жарко ему, поди, там при эдакой шкуре... Ну, и жир тоже... Ежели на салотопенный завод...

– Там они целые дни в реке сидят, так им и не жарко. Только морда одна из воды.

– Кусаются? – интересуется какая-то девушка.

– А вы, барышня, суньте руку, попробуйте. Мы почему же знаем, мы с ними не знакомы, – говорит чуйка.

– Не только кусаются, демуазель, но даже крокодила могут пополам перегрызть, – ораторствует чиновник. – Особенно из-за женского пола, когда они тет-а-тет с мадам самкой. У меня есть картинка...

– Зачем же вы за талию?..

– Это не я-с. Это, верно, вон тот мерзавец своими лапами... Могу ли я допустить такое невежество при публике? Я человек с образованием.

– В бытность мою в Париже я видел кормление бегемота, – продолжает фронт. – Разинет он свою пасть – а ему каравай хлеба туда, фунтов в двенадцать – и как не бывало. В один миг проглотит. Там бегемот огромный, величиной вот с это здание. Я сам раз на пятьсот франков одного хлеба... Увлёкся, вздумал накормить его и не мог.

– Неужели на пятьсот франков скормили? – дивится дама.

– Даже больше. У меня вообще пылкая натура. А тут все равно что игра. Я в азарт вошел. Мне хотелось его досыта накормить. Сую ему, а он ест. «Добьюсь, – думаю, – когда он отвернется от хлеба и перестанет есть», но так и не добился. На меня весь зоологический сад пришел смотреть... Ву компрене... всякому интересно, как богач, русский... В Париже нами очень интересуются. Там один англичанин бегемоту все свое состояние скормил на хлеб.

– Сумасшедший!

– Ужаси, ежели эдакая скотина во сне приснится! – покачивает повязанной головой купчиха в длинных серьгах.

– А чувствуй, что это простая свинья, а не бегемот, – вот и не приснится, – советует муж. – Сейчас вон барин рассказывал, что в заграничных землях на них по рекам ездят, а потому они по-тамошнему речными лошадьми называются. Запрягут их парой в барку – вот те и пароход.

– Ни в жизнь бы, кажись, на таком звере не поехала.

– Жрецы ездят... Попы ихние. Ведь это в Египте, и по реке Нилу... В фараоновой земле, – поясняет чиновник.

– Мавра Тарасьева, браслетку береги! Здесь живо с руки слизнут! Вон у одного барина сейчас платок выудили из кармана и лорнетку с носа хотели сдернуть.

– Не тревожьтесь, Захар Захарыч, у меня рука на сердце... А это, Захар Захарыч, что за зверь, вот что рядом-то развалившись?

– Носорог... Нажрался, лежит и отдыхает. Вот ему теперь только сигарку в зубы.

– А что же у него рога я не вижу, ежели он носорог?

– А вон на носу нашлепка – это рог и есть. Щенок еще, сказывают, так не отрастил настоящего-то инструмента. А может быть, и подрезали, чтоб не бодался. Тут все без рогов. Мерзблюд тоже без рог и даже на хвосте стрелы нет.

– Коли нашлепка у зверя вместо рога, то нечего его и носорогом называть, – с неудовольствием говорит купчиха.

– Этот носорог, сударыня, потому пока без рога, что он еще холостой. А вот как женится, так и рог у него не замедлит вырасти, – острит какой-то молодой человек в соломенной шляпе. – Жена сейчас ему рог наклеит.

Протискались две барышни, сунулись и отскочили прочь.

– Фу, какое бесстыдство! Кверху брюхом!.. – сказала одна.

– Мари, Мари, куда же ты? Ведь это звери, – остановила ее подруга. – Носорог... Ну, что же такое? Разве можно от него ждать приличий...

– А вот, барышни, он сейчас для вас халат наденет, – замечает купец, тыкает жену в бок и говорит: – Лицезрение звериным образом натешила – ну, и пойдем теперь китайские травы за здоровье зверей хлебать.

- Только с букивротами.
- Можно и с букивротами, – соглашается купец и, взяв жену под руку, отводит ее прочь от клеток.

Весна играет

Выдался ясный майский денек и кончается без перемены погоды. Солнце садится. Еле распустившаяся береза благоухает, тополь раскрыл свою клейко-маслянистую почку, верба показала ланцетики, надулись оконечности ветвей дуба и клена, поздним гостем высылающие свои листья на торжество природы. Травка прикрыла прошлогодний опавший лист зеленым ковром, и в нем уже желтеет какой-то ранний одинокий цветок. В воздухе закружились облачка комаров – предвестники устанавливающегося тепла. Весна играет.

В нарядную дачу уже переехали. Балкон драпирован полотном. На балконе виднеются фигуры дачников. В саду копается садовник, по двору прошмыгнул лакей во фраке, прошел дворник с ведрами на коромысле, пробежала горничная, прогремев туго накрахмаленным ситцевым платьем, выскочила за ворота на улицу, остановилась на помосте, перекинутом через придорожную канавку, и, шурясь, принялась грызть кедровые орехи. За горничной тотчас же вылез кучер в безрукавке и с трубкой-носогрейкой, прислонился спиной к перилам помоста и с какой-то вызывающей улыбкой молча стал смотреть на горничную.

– Что вы глаза-то на меня выпучили? – проговорила она.

– Не выколоть же мне их, – отвечал кучер. – Взираю, а взирать никому не запрещено.

– Тогда взирайте на какое-нибудь другое место, а на мне узоров не написано.

– А может быть, и написано! Эх, тысячу вздохов насчет вашей красоты!

Кучер тяжело и глубоко вздохнул, закрыв глаза и покрутив головой.

– Чего вы?.. Или сейчас только куль овса в пятый этаж внесли? – спросила горничная.

– От овса нам меньше страданий, чем от вашего сердца!

– Пожалуйста, не смотрите так пронзительно. Вот вам тумба... Ее и разглядывайте.

– И на этом спасибо-с, – обидчиво произнес кучер.

– Да что вы, в самом деле, какие любовные глаза делаете! Кажется, не к рылу.

– Весна, ничего не поделаешь! Каждому к рылу...

– Это женатый-то человек? Чудесно!

– Жена в деревне... Отселева ее не укусишь. А насчет вас, то есть, ежели теперь, к примеру...

– Тише вы! Вон барин с гувернанткой остановились в саду у палисадника.

Кучер вытянулся и спрятал трубку за спину.

– Вы больше чем наставница моих детей, – говорил барин, пожилых лет человек с приличными бакенбардами, по которым уже прогулялась седина. – Да, больше, Вера Николавна.

– То есть как это? Я не понимаю... – кокетливо закусила нижнюю губу гувернантка.

– О, вы очень хорошо понимаете! Стоит только взглянуть на меня, поверженного перед вами во прах! – вздохнул барин.

– Пока я вижу вас стоящим, но не поверженным.

– Вы придираетесь. Это фигуральное выражение и больше ничего. Взгляните только на лицо, и уже на нем отражаются мои сердечные чувства.

– Лицо глуповато. С чего это у вас?

– А вот с того, что вы для меня больше, чем наставница моих детей. Неизмеримо больше, и доказательством могут служить ваши же слова. Ежели бы вы были только наставница, разве бы я позволил вам сказать о глупости моего лица? Вы можете командовать мной, стоит вам только захотеть, царица души моей! Да, лицо мое глуповато, но...

– Отчего же это оно у вас глуповато-то?

– И вы еще спрашиваете? От вас, богиня моя! Вы довели меня до восторга.

– А восторг совсем телячий. И как он пойдет пожилому человеку...

– Лета тут ни при чем, мон анж... Теперь весна, все обновляется, все молодеет, и я стал юн духом и телом. Да разве и можно не молодеть при виде вас, распускающейся, благоухающей, как и сама природа вокруг вас...

– Ах, какой вы шалун! Право, я и не подозревала за вами таких качеств! – проговорила гувернантка, сорвав ветку чего-то и отмахиваясь ею от комаров.

– Эти качества держал я в тайнике души моей, Вера Николавна, но весна их вызвала наружу. Они забурили и кипучим ключом хлынули перед вами. Заметьте их, обратите на них внимание...

Барин млеет. Гувернантка коварно улыбалась.

– Ах, проклятые комары! Как они надоедают! – сказала она.

– О, как бы желал я быть этим проклятым комаром, чтобы прильнуть к вашей лилейной шейке! Счастливец! – вздохнул барин.

– Но я убила этого счастливец. Вот он раздавленный.

– Но он уже наслаждался. А насладиться и умереть – это блаженство. Я готов. Где? Когда? Назначьте... Назначьте и после растопчите меня! – возвысил голос барин, завращал зрачками и ударил себя в грудь, как в литавру.

– Тише вы! Сумасшедший! Вон жена ваша с балкона смотрит, и даже мосье Серж на нас уставился.

Барин обдернул пальто, заложил руку за борт и самым невинным образом затрубил что-то на губах, поглядывая сквозь палисадник на улицу.

– Чувствуете ли вы, Елена Павловна, эту распускающуюся природу? – спрашивал на балконе мосье Серж, наклонясь к худой и бледной даме с безжизненными серыми глазами. – Жизнь так и бьет ключом. Все манит... манит...

– Пощадите мои нервы, Серж, оставьте... – шепчет дама. – Да, не среди здешних тундр мечтала я встретить весну, а под голубым небом Италии, но муж, бесчувственный муж... О, я отплачу ему!

– Все возрождающееся, все юное везде прекрасно! И северные белокурые ночи имеют свою прелесть, ежели...

– Что ежели?

– Ежели есть около человек, который может согреть пламенем любви...

– Но где этот человек?.. Я не вижу его. В том человеке, который предназначен мне, я не вижу ничего как черствую корку нищего.

– Но есть же, Елена Павловна, и кроме его возвышенные души, способные понимать поэтическую женщину... боготворить ее идеалы, страдать с нею и восторгаться.

– И вы это утверждаете?

– Говорю положительно. Элен, ты не рассердишься? Но плотина прорвалась... Я из числа тех людей!.. Люби меня! Люби! И я буду твой навек! – воскликнул Серж.

– Прочь руку! Прочь! Безумец! Разве вы не видите, что на нас смотрит муж?

– Я обессилен, Элен!

– Но отойдите же, наконец, подальше!

– Когда и где?

– Завтра, в городе, у фотографа Шельменштерна, в два часа дня.

– Мерси!

И Серж тоненькой фистулой запел мизерере из «Трубадура».

Набег на тараканов

– Все ли у вас готово? – восклицал отставной квартальный Никон Ульяныч Караулов, занимавшийся частной адвокатурой, и при этом лицо его приняло зверски-воинственный вид.

– Все, все готово! Иди только сам. Кухарка налила уже в два таза горячей воды, – откликнулась жена, пожилая женщина в юбке, ночной кофточке и с крысиным хвостиком вместо косы на затылке.

– Крылья-то припасли ли для обметанья?

– Припасли, припасли. Пять крыльев у нас. Полагаю, что этого будет достаточно.

– Пять крыльев! – передразнил ее муж. – А какие крылья? Может быть, вы рябчиковые крылья приготовили. А рябчиковыми разве можно с таким полчищем тараканов сладить? Ведь у нас их несметная сила.

– От рябчика всего одно крыло, а то от тетерки и от глухаря.

– От индийского петуха бы надо, да самые большие крылья. Ведь у нас миллионы тараканов.

– Ну вот! Жалко, я орла не разыскала да от него тебе крыльев не оторвала!

– Никто тебе об орлиных крыльях и не говорит. А ты бы еще вздумала воробьиными. Феденька, дай мне носовой платок. Надо будет им халат подпоясать, а то полы раскрываются и только мешают. Дети пусть каждый возьмет по свечке и светят.

– Да ты в уме? Ежели каждый возьмет по свечке, то выйдет такая иллюминация, что тараканы испугаются света и разбегутся. Пятеро ребятишек и по свечке! Шутка!

– А что; пожалуй что и так. Этого я действительно не сообразил, – согласился муж, подпоясал плотно пестрым платком халат, прошелся несколько шагов по комнате и сказал: – Теперь этим проклятым халатом только ноги себе спутал, и никакой расторопности не выйдет. Знаешь что? Лучше я совсем сниму халат. Так мне будет свободнее.

– Это ты хочешь в развращенном-то виде при всех своих дезабилях? Да полно, как тебе не стыдно! Там все-таки кухарка, так неловко при ней.

– Важное кушанье – кухарка! Она замужняя женщина и до нас в мамках жила.

Муж распоясался и сбросил с себя халат.

– Там, папенька, и соседская горничная пришла, чтоб помогать тараканов морить, – заметила отцу взрослая дочь.

– Ну, так что ж из этого? Не прикажешь ли мне из-за горничной в мундир вырядиться! Ну, тронемтесь... Вот только табаку понюхаю. Буры сколько купили?

– Четверть фунта.

– Мало. Что же мы с четвертью фунта поделаем? Где так уж ты, Арина Федоровна, расточительна, а где так на обухе рожь молотишь. Возьми, Мишутка, мою табакерку и держи ее у себя. Как мне вздумается табаку понюхать, так чтобы готово было.

– Я, папенька, лучше светить буду... – заныл мальчишка.

– Свечка свечкой, а табакерка табакеркой. Уж и лень же у вас!.. Ах, какой народ! Ни в чем отцу помочь не хотите. Ну, куда же я положу табакерку, ежели у меня ни одного кармана нет? Только, чур, прежде всего, не кричать. Тараканы крику боятся. Особенно вот ты, визгливая... – погрозил он дочери. – Голос как валдайский колокольчик.

– Пожалуй даже, ежели хотите, то я и совсем в кухню не пойду, – обидчиво сказала дочь.

– Эта еще отчего? Чем больше народа, тем лучше. Одни обметают, другие бурой посыпают, третьи ловят беглецов. Иди, иди! Нечего губы-то надувать!

– Нет, не пойду! Мне черных тараканов жаль, они наше счастье. Вот ежели бы вы одних прусаков морили, то дело бы другое было. А то вместе с прусаками и черные тараканы погибнут.

– В самом деле, черных-то тараканов жалко, – согласилась с дочерью мать.

– Чего их жалеть! Ну их к черту! – кричал отец.

– Зачем же к черту? Они счастье приносят и, главное, никому не мешают. Днем ты их даже и не увидишь. Кроме того, у нас взрослые дочери. Вдруг девушки задумают на святках погадать черным тараканом, а ни одного и нет. Ты, Никон Ульяныч, вот что: ты сядь и продолжай пить чай, как пил, а я пойду в кухню, отберу десяточек черных тараканов в коробку и спрячу их на развод. Потом мы их выпустим, и они живо расплодятся.

– Видали вы дуру-бабу! Вот так дура! На мерзкую тварь сердоболие разыгралось.

– Ну, уж ты там как хочешь, а десяточек я уберегу. Без черных нельзя... Они, кроме счастья, обилие дома показывают. Перед пожаром или перед каким-нибудь несчастьем они сами из дома уйдут. Пей чай-то. Чай еще крепкий. А я сейчас...

– Запри поплотнее форточку в кухне и дверь на лестницу. Это главное, чтоб свежий воздух в кухню не попадал! – крикнул вслед жене муж и прибавил: – Эх, нет при мне теперь моих верных слуг Хобаренки и Иванова; а то с этими бы двумя городовыми у меня в один миг ни одного таракана не стало. Иванова поставил бы к дверям, а Хобаренку взял бы с собой на печку, и ни одна каналья бы не ускользнула. Золотые люди!

– Да ведь ваши городовые, папенька, привыкли мазуриков ловить, а тут тараканы... – сказала дочь.

– Расторопный человек, матушка, что на мазурика расторопен, что на таракана. Ему все равно. Он пришел, взглянул – и готово. Раз я с ними шестерых беспаспортных на сенной барке... И безо всякой облавы...

– Все-таки тараканы – больше женское дело...

– Ну, молчи! Полицейской службы ты совсем не понимаешь и потому не можешь о ней судить.

– Ну иди, Никон Ульяныч! Теперь все готово! Десяток самых крупных я наловила и спрятала на развод! – крикнула из кухни жене. – Да надень ты, бога ради, что-нибудь на себя. Здесь в кухне посторонняя женщина.

– Плевать! Пусть вон идет, ежели много о себе думает. Ну, Господи благослови! Тро-немтесь! Сеня, к дверям! Вася тоже... Один к наружным, другой к тем, которые в комнаты выходят. Да не зевай и, как побегут, – давить беглецов! – слышалась команда вошедшего в кухню хозяина. – Где бура? Давайте сюда крылья! Анисья, держи таз! Ванечка со мной на печку!.. Светите! По сторонам не зевай! Раз, два... Ты здесь, милая, зачем?

– Я, сударь, соседская, я посмотреть пришла, – отвечала женщина.

– Быть только свидетельницей недостаточно. Ежели пришла глазеть, то бери веник и заметай их во второй таз. Падать будет их много. Жена, ты что рот разинула? Бери половую щетку. Батюшки, да сколько их тут! Видимо-невидимо! Целая туча! – воскликнул хозяин, влезая на печку.

И начался великий мор.

Человек-муха

Публика Зоологического сада стоит, задрав головы кверху. По зеркальному потолку ходит вниз головой акробат, названный на афише «человек-муха».

– Так это-то муха! – слышится возглас в публике. – Вовсе даже и не похож. Хоть бы костюм мушиный на себя напялил, что ли, так все-таки было бы под кадрель мухе.

– А разве мушиные костюмы есть? – задает кто-то вопрос.

– А «Орфея в Аду» в театре представляли, так там в мушином костюме. И крылья, и голова мушиная, и даже жужжал по-мушиному... А этот и не жужжит.

– Мушиные костюмы есть-с, это верно, – поддакивает третий голос. – Даже в табачной с проката отдаются. У нас один извозчикий сын с Лиговки рядился в него на святках. И что смеху-то было! Четырнадцать закладок у них и двадцать лошадей... Посватался он к монументщицкой дочке около Волкова кладбища, да в мушином виде к невесте и приехал, но только тайком от своих собственных родителей мушиную образину надел, так как они по старой вере и скоморошества этого самого не любят... Ах, чтоб тебя черти склевали! И в самом деле, по потолку ходит, словно наш брат по полу! Хоть бы упал на счастье.

– Так что же родители-то? – интересуются слушатели.

– Приехал к невесте в мушином образе, а родители евонные тамotka сидят, – продолжает рассказчик. – Увидал – сомлел от страха. А тятенька, человек грозный, сидит на почетном месте и чаем с вареньем балуется... А непременно, братцы, у него эти самые ноги чем-нибудь смазаны.

– Ну, и что же отец-то? – подгоняют рассказчика.

– А отец признал сына по перстню на пальце, да бац его в ухо, да потом вареньем ему всю рожу и вымазал. «Коли, – говорит, – ты муха, то сладкая смазь тебе – первое удовольствие!» Скандал был такой, что ужаси подобно! А только как хотите, братцы, а у него или магнит этот самый на ногах, или крючья приделаны – вот он за кольца крючьями на подошвах к потолку и прицепляется.

– Да ведь потолок-то стеклянный, так какие же кольца? Просто глаза отводит. Уж кто свою душу продал черту...

– А ты почем знаешь, может, он праведнее нас с тобой.

– Праведник ломаться не станет, акробатское оголение на себя не наденет.

– А из юродства. Есть тоже которые и юродивые праведники.

– Да ведь он немец.

– Ну, немецкий праведник. Для нас он не праведник, а для немца праведник. А то уж сейчас и душу черту!.. Не больно-то ноне черти души-то покупают! И за дешевую цену продавать будешь, так напросишься.

– А ты продавал?

– Дурак! Да нешто я о себе? Я к слову... Зачем теперь душу черту продавать, коли можно и машинами глаза отвести? Машины есть. Стоял у меня на квартире один живописец, так у того такая машина была: поставишь в нее портрет, как следует, а взглянешь в стекло – портрет кверху ногами висит. Так и тут... Теперича мы этого самого человека-муху видим кверху ногами, а может, через машину это только, а на самом деле он, как и мы, кверху головой ходит.

– Да где же машина-то эта самая? – пристают к рассказчику.

– Где... где... машина спрятана и для нас невидима. Химики все могут, ежели науку знают...

– Иван Макарыч, а полетит этот человек-муха по поднебесью? – спрашивает жена мужа и при этом щелкает кедровые орешки, вынимая из горсти.

– На чем же ему взлететь-то? Коли ежели бы крылья были, дело другое, – отвечает муж. – А тут ему и взмахнуть нечем.

– А ручным инструментом. Ведь уж ежели он такое потаенное слово знает, чтоб по потолку вниз головой ходить, то, значит, и летать может. Иначе зачем же ему мухой называться? Муха и по потолкам ползает, и летает.

– Да что ты ко мне-то пристала! Ну, поди и спроси его... – огрызается муж.

– Я разочарована насчет мухи... – говорит какая-то девушка кавалеру. – Когда я сюда ехала, я думала, бог знает что будет, а в сущности, ничего нет.

– Но ведь это физический опыт науки в применении к акробатскому делу, – дает ответ кавалер. – Мои догадки те, что у него гуттаперчевые подошвы и выдолблены внутри. Вы изволили видеть, как простой наперсток можно присосать к руке? Так и тут, но только в больших размерах. В резиновых магазинах есть вешалки, которые безо всякого гвоздя прикрепляются к стене, единственно с помощью гуттаперчевых присосков. Поняли?

– Нет, я не поняла. Но зачем же он мухой называется, ежели он только ползает, а не летает? Скорей же он таракан, чем муха.

– Таракан... Таракан как-то звучит неловко. И наконец, он, прежде всего, немец, а немцы не любят, кто их тараканами называет.

– Таракан, барышня, тоже летать может... – вмешивается в разговоры длиннополый сюртук.

Кавалер скашивает на него глазами.

– Тебя спрашивают? Ты чего лезешь? Какое ты имеешь право к посторонней девице приставать! – наступает он.

– А что ж, не принцесса какая. Мы у княгини Граблицкой кабак в аренду брали, так и с ней разговаривали.

– Нет, человек-муха ничего не стоит и вся ему цена – грош! – говорит один купец другому. – Может быть, это и удивительно, что человек вниз головой висит, а только приятной видимости никакой тут нет. Человека-муху посмотрели, теперь пойдем человека-рыбу смотреть.

– Да нешто есть такой?

– Есть. Вон там в отдельной будочке показывается. Вот уже это, Никифор Карпыч, по твоей части. У тебя два живорыбных садка. Тут ты его сейчас уличишь, коли ежели что не так.

– А какую он рыбу разыгрывает?

– Да, говорят, может и стерлядь, и ерша, и налима. Только насчет сига и лососины без понятия... Учился, но ничего не выходит. А стерлядь в лучшем виде... Уткнется рылом в землю и лежит.

– Чем кормят-то его?

– Червем. А ежели налима разыгрывает, то мелкую рыбешку глотать ему дают.

– Господи, до чего люди ухищряются! – вздыхает купец. – Человек-муха есть, человек-рыба есть... Скоро, пожалуй, в здешних местах и человека-свинью показывать будут.

– Да уж показывают. Извольте только в буфет заглянуть, – замечает кто-то. – Там пара таких боровов сидит, что настоящим свиньям не уступят. Нажрались этого самого винища до того, что раздеваться начали. Гонят вон – нейдут; пробовали выводить – хрюкают что-то и дерутся. Сейчас за околоточным послали.

– А что, Аверьян Савельич, ведь надо и человека-свинью посмотреть. Пойдем... – говорит первый купец. – Там и сами этого свиного пойла ковырнем.

– Приятные речи приятно и слышать. Жги!

Купцы направляются к буфету.

Перед тирольками

– Тра-ля-ля-ля-ля... – отрывисто аккомпанируют голосами солисту-тенору тирольки на эстраде сада «Ливадии».

– Тру-ли-ли-ли-и-и-и! – выводит тоненькой фистулой тенор.

Жирный бас, выпялив вперед брюхо в красном поясе национального костюма, отбивает такт на нижней октаве. Публика сидит на скамейках перед эстрадой и слушает. Не уместившиеся за недостатком места слушают стоя. Тут сгруппировалась компания длиннополых сюртуков, сапог бутылками, купеческих «пальтов-размахаев», картузов с глянцевыми козырями. Хотя погода и ясная, но большинство из этой группы в калошах с медными машинками и с дождевыми зонтиками.

– Завели теперича эту самую тирольскую модель, а только Молчанов со своими ребятами, ей-ей, лучше! – слышится мнение одного из картузов. – Там и песня русская, и на загладку танец с дробью. А здесь что? Какой скус? Тявкают голосами – вот и весь блезир.

– Для пьянственного удовольствия действительно несподручно, но ежели в трезвом виде, то и тиролька любопытна, – откликается сюртук.

– Для пьянственного образа лучше цыган и пения нет, – вставляет свое слово ярко начищенный сапог бутылкой. – Слушаешь, а у самого так и зудят руки, чтобы кому-нибудь в нюхало съездить или во что бутылкой шваркнуть. Я раз при цыганах такой душевный вопль в себе почувствовал, что на четырнадцать с полтиной посуды разбил.

– И францужинка при хмельном составе сердца интересна, – делает замечание пальто-размахай. – Особливо ежели это она в поросеночного цвета триках обута и юбочкой на публику потряхивает при пении.

– Францужинка хороша, но она только на грех супротив женского пола подмывает, а чтобы воинственный восторг от нее в себе чувствовать, за ней этого нет, не водится.

– Вот немка, так та совсем рыба и даже сон на человека нагоняет.

– Ведь эти самые тирольки за один счет что и немки.

– Ну нет. Немка – особь статья, а тиролька – особь статья. У них и словесность разная. Я спрашивал как-то нашего булочника Карла Иваныча, так он говорит: «Тиролька у нас в неметчине – все равно что ваша олончина». Немка завсегда с арфой. Ты заметь: как в синих чулках, скула подбита и с арфой – ну, значит, немка. По ярмаркам на арфяночном продовольствии и ежели в трактире – все немки. Она же со скрипкой. На цимбалах – непременно жид. А тиролька – она только голосом выводит и разве вот перстами по гуслиам перебирает. Зато уж супротив голосового вывода, чтоб трель – чище их нет.

– Поди, ведь свистульки у них в глотках вставлены, чтоб эта «трула» – то выходила?

– Нет, без свистуллек. Просто голосом играют. Порода уж такая, сызмальства учатся. Лесная страна у них, так он промеж себя дома голосами и перекликаются. Ау да ау!

– А эти настоящие тирольки – вот что теперь перед нами поют?

– Нет, поди, не настоящие. Мелки больно ростом. Тирольская порода должна быть вся крупная. Вот у моего свата в Ямской тирольская корова. Дорого дали, но зато...

– Так ведь то корова, а я про баб спрашиваю.

– Ну, друг любезный, что корова, что баба, все едино. Уж ежели в каком месте корова крупная родится, то и баба крупная, корова мелкая – и баба мелкая. Возьмем наш Холмогорский уезд, так там что народ, что скот – одинаково крупный. Посмотри потом лимонский скот и сравни с чухонцем из Лимонии – мелочь, глядеть не хочется. А ямбургская или, там, гдовская баба по здешним местам – вот что по огородам полоть ходят. Нешто это баба? Иную бабу-то из хорошего места не заколупнешь, до того она гладка, а в один обхват и не обнимешь. А здешняя баба жидконогая, сухопарая, не лучше вот этой тирольки. Еле пару ведер с водой на коро-

мысле тащит. А из хороших местов баба – она два ушата сопрет. Теперича будем говорить так: чухонская ли лошаденка или доморощенный жеребчик из Орловской губернии? В чухонской лошаденке только одна толстопузость и есть.

Логика была окончена. Тирольки все еще продолжали петь. Послышались опять рассуждения.

– Чего они все одно слово твердят: «уриан» да «уриан»? И словно у них что заколодило на этом слове!

– Слов мало в ихнем языке. Переберут все тирольские слова, ну и опять за «уриана» хватаются, – дает кто-то ответ.

– Ведь, поди, тоже что-нибудь обозначает этот самый «уриан»?

– Да выпивку, надо полагать, обозначает, потому вон тиролоец все себя по галстуку перстами хлопает.

– Канитель! И то есть, я тебе скажу, слушаешь-слушаешь теперича всякие иностранные слова, а ей-ей, лучше русских слов нет! И круглее-то они, и понятнее. По-русски все понять можно, а попробуй разбери тут, что бормочут.

– Американские, говорят, слова хороши. Хмельные изображения у них те же самые, что и у нас, ну и насчет ругательств.

– Слышал я и американские слова на голландской бирже, только все не то, что наши. У нас, к примеру, русский человек выругался, так даже и китаец поймет, что он выругался. А у американца этого не разберешь, потому у него хладнокровная антипатия в разговоре. Что он ругается, что выпить зовет – все на один манер.

– Вот армянский разговор насчет ругани-то чудесен! Покупывал я у них в Москве товары, так знаю. Иной армянин и ласковые-то слова говорит, а ты слушаешь и думаешь, что он ругается. Все на один ругательный манер.

Тирольки продолжают петь. Вышел вперед перед шеренгой толстый тиролоец и начал запевать басом.

– Этот с узорчатым-то брюхом, надо полагать, самый набольший у них в таборе? – идут догадки.

– Само собой. Оттого он громче всех и рубит голосом. Вон у него и присяга на шляпе длиннее, и вид зверский.

– Какая присяга?

– А глухариное перо. Ведь это тирольская присяга. Что для татарина ермолка, то для тирольца – глухариный хвост. Без этого он даже запнется голосом и никакой «уриан» у него не выйдет. Даже ежели галочий вместо глухариного в шляпу засунет – и то препона.

– Однако, довольно бы уж этих «урианов» – то слушать, а то даже зевота начинает разбирать, – делает кто-то замечание.

– Дай им надсадиться-то вволю. Вон уж одна тиролька поперхнулась.

– Ну, и пушай ее поперхивается еще десять раз, а для меня довольно. Я пойду к буфету и опрокину самоплясу баночку средственную.

– Тогда уж вместе пойдем, только погоди малость. Ну, пускай эти самые тирольки с «уриана» хоть на какое-нибудь другое слово перескочат – вот тогда мы и пойдем. Авось иной какой-нибудь крик выдумают.

– Ну их в болото! Неприятно, братец ты мой, слушать, когда словесности не понимаешь. Шут их ведает, что они такое поют? Может быть, нас же за наши деньги ругают, а мы слушаем и думаем, что это комплимент. Вон одна тиролька даже пальцем начинает грозить. Нет, я пойду, а вы как хотите!

– Эх, сколько в тебе этой самой нравственности! – восклицает длиннополый сюртук. – Что вот захотел, то сейчас и вынь да положи. Ну, ребята, делать нечего, не отставай от него, пойдем и мы. Уж ежели пришли вместе, то надо вместе и действовать.

Компания удаляется от эстрады. Кто-то оборачивается назад и говорит:
– Господа! А ведь тиролька-то все еще грозит нам перстом. «Пить, мол, ребята, пейте, а напиваться не смей!»

Маскарад с цыганами

В клубе художников маскарад с цыганами и живыми картинами, как значится в афише. Публики много, но она как-то вяло двигается по залам и гостиным. В узких дверях, при переходе из одной комнаты в другую, теснота и давка, и кто-нибудь непременно вскрикивает:

– Ах, боже мой! Шлейф оторвали!

В толпе и два китайца из посольства, неизбежные посетители всех увеселительных мест.

По пятам китайцев следуют две маски: одна толстая, другая тощая. Маски любят национальными костюмами и косами китайцев.

– Я думаю, что ведь и китайцы насчет кос-то тоже с грешком, – говорит тощая маска толстой. – Поди, и у них, как и у нашей сестры, подвязные...

– Само собой! – отвечает толстая. – Один из них раз даже сидел-сидел с маской в маскараде, понравилась она ему, так он и снял свою косу да и подарил ей, а сам с крысиным хвостиком на затылке остался. Ведь они даром что китайцы, а очень добрые насчет женского пола. Сейчас угощать начнут.

– Подойти разве да заговорить?

– Подойти не расчет, но как ты с ними заговоришь? Ведь они никакого языка, кроме китайского, не понимают.

– Подойти и сказать: «Здравствуй, мосье китаец». Для маскарада других слов и не надо, а это-то он поймет. Слышишь, Маша, я подойду вот к этому длинному. Может быть, он и мне свою косу подарит. Тронуть разве его за косу?

– Оставь. Пожалуй, еще обернется да ругаться начнет.

– Ну что ж из этого? Ведь ругаться будет не по-русски, а по-китайски, так нам не стыдно. И наконец, важная вещь – тронуть в толпе! Всегда отречься можно и сказать, что он сам своей косой задел мою руку.

Маска трогает китайца за косу. Тот обертывается и грозит пальцем.

– Видишь, даже и не ругается. Послушай, мосье китаец, угости нас чем-нибудь.

Китаец не откликается.

– Ну, что, гриб съела? – поддразнивает маску ее подруга.

– Вовсе даже и не гриб, а в маскараде, само собой, приставать надо. С двух слов никакая интрига не может завестись. Послушай, мосье китаец, это не я тебя дернула за косу, а ты ее в дверях прищемил. Бонжур! Гут морген! – треплет его маска по плечу.

– Бонжур! Бонжур! – отвечает китаец и присаживается к столу, около которого сидят цыганки.

Те протягивают ему руки. Он пожимает их.

– Вот это племя косу у него вымаклячит, это верно. Даже и тогда вымаклячит, ежели бы коса была настоящая, – прибавляете толстая маска.

Проходят двое: один в пенсне, другой с моноклем. Оба зевают.

– Хочешь, я тебе скажу каламбур? – говорит монокль. – Маскарад – маске рад. Ну что, хорошо?

– Глупо очень.

– А где же ты умного-то наберешься? Сам маскарад – глупая вещь, ну, из него глупый и каламбур выходит.

Китаец между тем, сидя около цыганок, потребовал бутылку шампанского и угощает их. Невдалеке от стола, за которым сидят китаец и цыганки, поместился купец с орденom в петлице фрака и с расчесанной бородой, упер руки в колени и пристально их рассматривает. Мимо проходит другой бородач и трогает купца складной шляпой.

– Чего глаза-то выпучил, Иван Федосевич? – спрашивает он.

– Сижу и думаю... – отвечает купец.

– О чем?

– А вот ежели китайца на цыганке поженить, какие дети будут?

– А я думал, горюешь, что китаец у тебя компанию цыганок отбил.

– Это у меня-то? Нет, брат, шалишь! Не родился еще тот, кто бы от меня корыстолюбцев отбить мог. Хочешь, я этого китайца сейчас похерю? У него вон одна бутылка шипучки выставлена, а я сейчас подсяду к цыганскому столу и пару потребую да на закуску вазу с дюшесами. Вот на моей стороне правда и останется! Сейчас цыганки в мою сторону и обратят свои улыбки.

– А вдруг китаец тоже пару бутылок потребует и на закуску вазу? Ведь китайцы богатые.

– Тогда я ему полдюжиной редера нос утру.

– И он может передо тебе не дать! Распояшет кацавейку, вынет оттуда пару лиловых бумажек и тоже полдюжины выставит.

– Тогда я каждой цыганке по синему билету в стакан опущу.

– Китайца не удивишь. Он в ответ тебе и шампанским настоем на розовом кредитном билете угостит. Откуда к нам самодурство-то перешло? Из Китая.

– А вот хочешь, мы сейчас начнем с ним денежное сражение на пробу?

Купец вскочил с места и полез в карман за бумажником.

– Не надо, не надо! Верю. Насчет безобразия тебя никакой китаец не переспорит, – остановил его бородач. – Пойдем лучше в залу. Там живые картины показывают.

– Ну, то-то. Я, братец ты мой, с их цыганским начальником-то приятель, я у него лошадей покупаю. Стоит мне ему только пару слов насчет двух рысачков сказать, так по его приказанию и китаец-то из-за цыганского стола кверху тормахками полетит.

В галерее играют военные музыканты. Останавливаются две маски и слушают музыку.

– А ведь это пожарного полка музыканты, – говорит одна из масок.

– Уж и пожарного! – сомневается другая маска. – Да разве у пожарных есть музыканты? Зачем им? Ведь им такого артикула не полагается, чтоб под музыку маршировать.

– Ничего не значит. А все-таки у них музыка есть. Как большой пожар, она всегда играет для отчаянности пожарных.

– Ну что ты врешь! Да это не пожарные.

– Да неужто ты мундира-то не можешь отличить? Видишь, синие оторочки. У них и трубы так устроены, что ежели играть, то на них играть можно, а как что нехватка, то навинтил их на кишку и заливай пожар.

– Да ты пустое мелешь.

– Душечка, я была знакома с одним пожарным музыкантом, и он сам мне рассказывал.

В зале показывают живую картину «Мороз Красный Нос», освещенную красным бенгальским огнем. В картине стоит женщина в армяке, прижавшись к стволу дерева.

– Уж хоть бы накрасила она красной краской себе нос-то, а то и незаметно, что красный. Да, наконец, нужно бы для такой картины выбрать актрису с большим носом. А то на афишке красный нос, а на деле какая-то набеленная луковица, – слышится у глазающей публики.

– Думаю, что картина тут просто аллегория: «Дескать, идите-ка, господа, в буфет и наклюйтесь до красного носа». Ходить, Сеня, насчет буфета и красного носа?

– Вали!

При получении жалованья

В театральной конторе выдают жалованье актерам и служащим при театре. Народу в залах столпилось множество. Встречаются знакомые, раскланиваются друг с другом, толкуют, сплетничают, переливают из пустого в порожнее. Некоторые сидят и курят папиросы. Есть и пальтишки, подбитые ветром, есть ретонды, опушенные соболями, енотовые шубы, бобровые воротники и собачий мех. Чиновники делают дамам предпочтение и стараются отпустить их поскорей.

Вот показалась кокетливая шляпка, из-под которой виднеется хорошенькое свеженькое личико. Шуршит шелковое платье из-под тяжелого бархата пальто. Личико кой-кому кивнуло, кой с кем из женского пола чмокнулось в губы и направилось к чиновнику, раздающему жалованье. Вслед женскому личику послались завистливые взгляды. Какой-то актер, с красным носом, с большой папироской в мундштуке, в сильно поношенной шубе, кивнул головой и сказал:

– Из каких доходов таки шелка да бархат! Вишь, ряской-то как посвистывает! Словно иеромонах из Невского монастыря. А жалованья всего триста целковых в год.

– Может быть, неразмennyй рубль нашла, – откликается другой актер с одутловатым лицом и порезанным подбородком от усердного бритья.

– Бабушка у них колдунья и им ворожит, – с таинственной улыбкой наклонился к актерам старичок-капельдинер и звонко понюхал табаку.

Проходит скромно одетая дама.

– Марья Савельевна! – окликает ее актер с красным носом. – Какими судьбами? Я думал уже, что вы умерли.

– Что вы! Типун бы вам на язык. Все еще служу.

– Служите? Ах, это очень интересно! Но, должно быть, вы в шапке-невидимке служите, потому что вот я с вами в одной группе состою, а года два вас не видал.

– Очень может быть и больше, потому что я с семьдесят шестого года не была занята. Что ж делать, коли обо мне забыли. Да оно и лучше, спокойнее.

– А жалованье-то вы не забываете?

– Зачем же забывать, коли дают. Да и как же не давать? Разве я виновата? Нет, я служу.

– В чем же заключается ваша служба? Манже, буар, дормир, сортир?

– Подите вы! Вечно с глупостями.

Дама отходит от актера и стремится к чиновнику.

– Вон Бубыркин глубокомысленно сморкается! – продолжает актер с красным носом. – Знаете, о чем он мечтает? – спрашивает он товарищей. – Тут хозяйственные интересы: «Получу 40 рублей и 66 копеек, сейчас, мол, на Сенную и куплю себе половину мороженого борового». Вася! Почему ноне керосин?

– Пенсильванский за шесть копеек фунт отыскал! – отвечал Бубыркин.

– Видите, как твердо хозяйство-то знает! Он тут как-то в роль вошел, так даже на сцене крикнул: «Кочан капусты – двугривенный!», а нужно было крикнуть: «Король со свитой!»

Хористы в рваных шубенках сгруппировались вместе и собираются sprыскивать получку жалованья.

– Давайте сейчас по двугривенному, пойдем в Коммерческий трактир, поймаем леща в бассейне и велит его зажарить в сметане – вот нам и закуска к водке, – говорит один из них. – Разсупе-деликатес! Ни король Лир, ни Гамлет, принц Датский, такой закуски не видали.

– Вы ступайте, а я не пойду. У меня насморк, – отвечает другой.

– Важное кушанье – насморк! Ведь ты не носом леща-то будешь есть. Что, брат, верно, жена на улице дожидается?

– Жена! Поди посмотри, ждет ли меня жена! А как я могу леща есть, коли у меня переносье болит?

По конторе ходит бедно одетая женщина и спрашивает:

– Федор Михайлович Бровенчиков ушел?

– Не только ушел-с, сударыня, а даже убежал, – отвечает ей кто-то. – Схватил жалованье, расписался впопыхах вместо «артиста» «трубочистом» и убежал.

– Ну, скажите на милость! Вот мерзавец-то! А я на Театральной улице его жду. Делать нечего, надо по трактирам искать! Кажется, все ваши в Коммерческий ходят?

– Да уж он туда, куда все ходят, не пойдет, ежели тайком от вас убежал. Хитер тоже. Знает, что вы прежде всего туда за ним броситесь.

– Какая, право, неприятность! А я даже с детьми жду... Все люди как люди, а он...

– А вы в следующий раз его на цепи... Надежнее будет.

– Ну вас! Вам смешки, а мне горе! Послушайте, да, может быть, вы нарочно его от меня скрываете?

– Ищите, коли не верите.

Женщина направляется к выходу. По поводу отыскивания женой мужа у актеров является воспоминание о каком-то комике Калмыкове.

– Того тоже, Царство ему Небесное, не тем будь помянут покойник, жена за получкой жалованья водила, – слышится рассказ. – Отнимет деньги, закупит провизии всякой и ему на баловство четвертную водки купит, чтоб на месяц хватило. Ну, и даст ему в первый-то день нализаться до основания, а потом по рюмочке и выдает. И какой казус вышел. Купила раз керосину и водки и об спиртности в четвертных бутылках. За обедом это он выпил по-настоящему и уснул, а она ушла ко всенощной. Чудесно. Просыпается без нее – глядь: бутылка на окне стоит. «Ну, – думает, – забыла запереть». Берет стакан, подбирается к бутылке, налил, хлоп залпом – керосин! Свету не взвидел. Сгоряча-то не расчухал и полстакана отворотил. Ну, заорал. Сбежались соседи. Молоком поить... И что ж вы думаете? День прохворал, а потом ни в одном глазе!

– Прежние-то актеры здоровее были, – откликается басом коренастый актер с седой щетиной на голове вместо волос. – А теперь что? Жидконогие, слякоть, дрянь, одним перстом его свалишь. Не только с керосину, а с рюмки голого спирту ногами задрывает. А покойники Купоросов и Хватиллов, бывало, голый-то спирт стаканами пили, а разыграются, так давай тумбы тротуарные выворачивать. Да ведь с корнем выворотят. Вот это сила!

– Значит, два десятка наших Федоров Алексеевичей на одну руку бы взяли? – слышался вопрос.

– Федор Алексеевич что! Федор Алексеевич – обезноженный человек. А Купоросов на таких, как ты, на пятерых бы вышел!

– Ну, уж это оставьте! Я раз на охоте с медведем боролся да и того с ног свалил!

– Во сне, может быть?

– Нет, наяву. Выстрелил, промахнулся, а он на меня! Ну, и обнялись. Кричу своей собаке: «Фингалка! Пиль его!» Собака схватила за шиворот медведя, а я спереди. Ну, вдвоем и повалили его.

– Свежо предание, а верится с трудом!

– На, посмотри, вот и шрам у меня на шее остался от его когтей. Разумеется, он меня поломал, но все-таки победа за мной.

– Как же ты мне раньше про этот шрам рассказывал, что на тебя балка с колосников упала, когда ты в Тифлисе Велизария играл!

– Никогда я этого не говорил. Балка в восемь пудов весом упала на меня в Кременчуге и позвоночный столб мне вывихнула, а с медведем я боролся в Тифлисе. Об этом я тебе тоже рассказывал, но ты перепутал.

- Куда отсюда?
 - В «Европу» кровь билиардом полировать.
 - Ну, и я с тобой. Авось ты мне расскажешь, как ты в Гельсингфорсе крокодила в море на удочку поймал. Прощайте, господа!
- Актеры уходят.

На Алексея митрополита

– С ангелом, моя тумбочка! – возгласила, проснувшись поутру 12 февраля, жена мелкого чиновника Алексея Перфильевича Чернильников, проживающего на Петербургской стороне, выглянула из-за ситцевого алькова и закивала головой.

– Мерси, моя вазочка! Только бога ради никому не рассказывай, что я сегодня именинник. А ежели кто спросит, то отвечай, что я не на Алексея митрополита, а на Алексея – человека Божьего. Я и сам так буду говорить, – отвечал Чернильников, стоящий против окна и бреющий перед маленьким зеркалом, привешенным на оконной раме.

– Но не могу же я, например, от тетьки Варвары Захаровны скрывать твои именины, ежели она тебе даже сюрприз готовит и уж даже бисерный чехол на мундштук связала.

– И ей не признавайся! Бог с ним, с бисерным чехлом! Ей-ей, денег на угощение нет, а на все такая дороговизна. Вон, говядина двугривенный фунт, четверик картофелю рубль с четвертью. Тетенька сама по себе ничего, она прекрасный человек, но ведь за этот бисерный чехол она уже вечером притащит с собой восемь человек чадов и домочадцев, которые по своей прозорливости акулу за пояс заткнут. Например, хоть бы ее старший гимназист... Он только рот за чаем разинет, и уж трехкопеечной булки нет. Муж ее, Петр Иванович, хоть паралич-то ему повредил левую руку, а не желудок, прошлый раз в твои именины только подошел к закуске, и уж фунта семги нет. Я тащу из-за карт выпить нашего столоначальника, хвастаюсь ему маслянистой семгой, подвожу к столу, а вместо семги одна кожа осталась.

– Ну, пошел-поехал! Это ты оттого так говоришь, что Варвара Захаровна моя тетка, а не твоя! – с неудовольствием заметила жена и вышла из-за занавески надевать на себя юбки, положенные с вечера на стул.

– Анечка, уйди! Уйди за занавеску. Иван Наумыч с полчаса ходит мимо нашего дома и может тебя увидеть декольте, – сказал муж. – Ты забываешь, друг мой, что мы живем в первом этаже.

– Зачем же он ходит? Вот еще наблюдательный пост нашел!

– А затем, что дожидается, когда я отбреюсь, чтоб ворваться к нам в квартиру – поздравить с ангелом и выпить водки рюмку перед отправлением в должность. Но шалишь! Я и ему не признаюсь, что я сегодня именинник. «На Алексея, мол, Божьего человека», да и делу конец!

– Не понимаю, что тебе за расчет откладывать. Ведь тогда все равно и на Алексея – человека Божьего все акулы соберутся.

– Нет, тогда уж не соберутся. На Алексея – человека Божьего наш столоначальник именинник и все к нему бросятся. Я и сам уйду из дома с раннего утра, а на другой день отличная отговорка: был на именинах у начальника, так как не могу же я пренебречь его приглашением. Вот и вторая акула появилась: Василий Тихоныч Ведерников, – кивнул он на улицу, – стоит рядом с Иваном Наумычем и на наши окна пальцем указывает.

– А ты вот что: ты продолжай бриться, коли уж на то пошло. Пусть их мерзнут на улице. Померзнут-померзнут, будут видеть, что ты все еще бреешься, и побегут в департамент, – посоветовала жена.

– Нельзя, друг мой, я уж и так три раза намыливал и три раза по всему лицу бритвой прошелся. Продолжать, так можно и кожу до крови проскоблить. Пусть уж они выпьют по рюмочке водки, но я не буду сознаваться, что я именинник, чтоб они вечером не приперли.

Жена оделась. Муж уже вытирал лицо полотенцем и корчил перед зеркалом гримасы.

– Люшенька, обернись, моя вазочка!

– Изволь, моя тумбочка, – отвечал муж, обернулся и воскликнул – Ну, уж это напрасно! Зачем изъясняться! Эти деньги и тебе на тряпки пригодились бы.

– Ничего, носи на здоровье, моя крыска! Дай тебя только поцеловать.

Жена вручила мужу шитые по канве туфли и чмокнула его в щеку. Он вклеил ей тоже безешку. Последовало обоюдное целование рук. Старые туфли были сейчас совлечены с ног и надеты новые. Муж прошелся по комнате.

– Ах, как они тебе к лицу, эти туфли! Я нарочно выбрала пунсовый цвет рисунка, так как ты брюнет.

– Еще раз мерси, моя бомбошка!

– Можно войти, дяденька? – послышался возглас за дверями спальни, и в комнату влетел гимназист с бумагой в руках. – «Добрый дядя мой бесценный, именинник дорогой...» – начал он читать поздравительные стихи, кончил и вручил имениннику рукописное поздравление на бумаге с изображением Исаакиевского собора внизу и памятников Петра Великого и Екатерины Второй по бокам.

– Спасибо, спасибо, Андрюша! – сказал дядя. – Только, бога ради, никому не рассказывай, что я сегодня именинник. Ежели кто спросит, то говори, что я не на Алексея митрополита, а на Алексея – человека Божьего. Видишь ли, я не хочу, чтобы ко мне гости приходили.

– Да я уж, дяденька, вчера, покупая бумагу, табачнику нашему Афанасию Михайлычу сказал, и он собирается к вам на пирог. «Нельзя, – говорит, – надо поздравить».

– И охота тебе было говорить! Ах ты какой!

– Да он сам спросил. «Кому, – говорит, – будешь поздравление писать?» А я ему: «Алексею, мол, Перфильичу».

– Ну, вот еще третья акула! Этот как подсядет к графину, так до дна.

В кухне раздался громкий кашель, и кто-то с шумом сбрасывал с ног калоши. Именинник вышел в гостиную. Там стояли Иван Наумыч и Василий Тихоныч.

– С ангелом! Желаю тысячу лет здравствовать! – заговорили они.

– Да я, господа, не на Алексея митрополита, а на Алексея – человека Божьего, – отвечал хозяин.

– Врешь, врешь! А туфли-то новые зачем на ногах? Будто мы не понимаем, что это подарок жены в день ангела!

– Вовсе и не сегодня она мне их подарила, а к Новому году.

– Толкуй тут «к Новому году»! Так у тебя с Нового года белые подошвы и останутся! Ну, а поздравление это чье на раскрашенной бумаге? Тоже к Новому году? 12-м февралем помечено – и к Новому году. Нет, брат, не отопрешься! Доставай монаха и подноси нам по рюмочке.

– Не в поднесении сила. Это я с удовольствием и без именин, а только я на Алексея – человека Божьего, а не на Алексея митрополита, – стоял на своем хозяин. – Что же касается до поздравления, то племянник ошибся.

– Значит, и мы в прошлом году ошиблись, когда в этот самый день ели у тебя кулебяку?

– В прошлом году я нарочно делал кулебяку на Алексея митрополита, чтоб не пришлось ее делать на Алексея – человека Божьего, так как столоничальник наш в этот день именинник, так чтобы не пришлось в один день.

– Нарочно? Ну, и нынче нарочно сделай. Но врешь! Все указания есть, что ты именно сегодня именинник. Например, зачем ты так тщательно брился перед окошком? Три раза взмывливался и три раза скоблился. Ведь мы стояли на улице напротив и видели. А четвертная бутылка, запечатанная в девственном состоянии, зачем на окне стоит? Так ты и станешь покупать новую четверть без именин! Тащи ее сюда, тащи! Сейчас мы ей бракосочетание и сделаем.

Хозяин развел руками и, сняв с окна бутылку, стал ее распечатывать.

На выставке картин Верещагина

Выставка картин Верещагина. Отделение эскизов из жизни Индии. Вход на выставку бесплатный, а потому в залах много и простой публики. Есть чуйки, сибирки, солдаты, женщины, покрытые платками. Виднеется и ундер в отставном военном сюртуке и с нашивками на рукаве. При ундере жена, а с ней мальчик лет пяти. У ундера в руках каталог.

– «Женщина средних лет в Ладаке, имеющая пять мужей, родных братьев – по обычаю полиандрии»... – читает он перед картиной за № 1.

– Ах, чтоб ее! Вот греховодница-то! – восклицает ундериха и плюет. – Как ее зовут?

– Полиандрия.

– Вишь, подлая, и имя-то какое себе выбрала! Пять мужей и даже родных братьев. Срамница!

– Чего ты ругаешься? Вера такая у них индейская – ничего не поделаешь. У турок, к примеру, чтоб не меньше пяти жен на одного мужчину, а у них наоборот: не меньше пяти мужей на каждую бабу, – хладнокровно отвечает ундер.

– Вы говорите, служивый, что у этой шельмы пять мужей? – спрашивает стоящая сзади чуйка.

– Пять. Так и в книжке пропечатано. Они народ бедный, ну и женятся вскладчину.

– То-то рожа-то у ней!.. Будто горох молотила, – негодует чуйка и прибавляет: – Да и то сказать, один муж за косу поучит, другой – по сусалам съездит, третий – ребрам нравоучение сделает, так откуда красоты-то наберется! При пятерых мужьях наука тяжелая. От каждого по одной подмикитке в день – так пять подмикиток, а по две – так десять. Только уж и бабе же нужно быть пронзительной, чтоб от всех мужей отругаться! Много нужно словесности в себе содержать.

– Калина Калиныч, вы до этих самых мест походом доходили? – спрашивает ундериха мужа.

– Семь верст только не дошли, – отвечает тот.

– Это дальше Балкан, где этот самый башибузук зверствовал?

– Совсем в другой стороне. Индия – это за Ташкентом, около Бухарского царства.

– Тут как-то в войну писали про Дели-бабу. Надо полагать, вот тут-то Дели-баба эта самая и царствует, – делает догадку чуйка.

– Ну, пойдем далее, – говорит ундер. – Что около одного места стоять! Постой, что это такое? Номер двенадцатый... «Три главных божества (Троица) буддистов»...

– Ах, страсти какие! Идолища поганые! – восклицает ундериха. – Плюнь, Васенька, плюнь! – говорит она ребенку. – Не гляди и плюнь. А уж ты, Калина Калиныч, и подвел же к картине, нечего сказать! Сам в сторожах при церкви служишь, а никакого у тебя подозрения нет. Не гляди туда, Васенька. Вот сюда смотри. Калина Калиныч, вот эти черненькие-то картинки какой манер изображают? – спрашивает ундериха.

– «Подземный храм на острове Элефант» и «Подземный храм на острове Эллоре»...

– Тоже по поганой вере?

– Само собой.

– Ну, что же это такое! Куда ни сунься – идольская вера! Отвернись, Васенька, вот сюда, на арапа смотри. Калина Калиныч, читай-ка в книжке-то про арапа.

– «Священник Парси, огнепоклонник».

– Опять. Тьфу ты, пропасть! Неужто и в самом деле они огню поклоняются?

– Коли написано, так, значит, верно. Ведь он не арап, а индеец белой масти, а закоптел до черноты оттого, что огню поклоняется. Ну-ка, всю жизнь над дымом-то... так какая хочешь прочная шкура на сига копченого смахивать будет.

– Тут уж у него лик на манер наваксенной голенищи, – делает свое замечание чуйка и прибавляет: – А ведь и по нашей вере на огонь грех плевать.

– Пойдем дальше, Калина Калиныч... – говорит ундериха.

– Да куда ж идти-то? Тут куда ни сунься, везде языческие образа, а ведь ты на них смотреть не хочешь. Ну, вот, постой... Тридцатый... «Молитвенная машина буддистов»..

– Как? Да разве у них машиной молятся?

– Постой, не перебивай... «Весь вал туго наполнен молитвенными листами; когда он вращается, молитвы сообщаются воздуху и затем Богу», – читает ундер и прибавляет: – Вот так оказия!

– Выдумают тоже! – улыбается ундериха.

– «Чем более буддист вертит вал, тем более молитв возносится от него к небесам», – продолжает читать ундер.

– Калина Калиныч, кто это в красной-то шапке? – указывает на картину ундериха.

– «Баниан. Секта, отличающаяся состраданием ко всем тварям, от слона до блохи включительно, но в то же время известна их слабость к обмериванию и обвешиванию». Купцы, значит. Ну, так мы и запишем.

– Значит, уж они жен своих не бьют? – спрашивает какая-то женщина в шляпке.

– Кто ж их знает, сударыня! Жена – не блоха и не слон. Отчего ж ее не бить? – откликается чуйка. – По торговому сословию ежели существуют, так уж как не бить. Без этого нельзя.

– Почтенный, вы говорите, это купец ихний в красной-то чалме? – задает вопрос ундеру казинетовая сибирка с бородой клином.

– Купец индейский. И прибавлено, что очень любит обмеривать и обвешивать.

– Да ведь купец индейский только индейками и торгует, так какой же тут обмер или обвес? Нешто индейка четвериком или на фунты продается? Пустое.

– Блох, говорит, очень любят и всякую насекомую тварь, – замечает чуйка.

– Блоха от бабы. Ее люби не люби, а она все равно перескочит, – заключает сибирка.

– «Лама, наряженный божеством», – читает ундер.

– Батюшки, с рогами! Не гляди, Васенька. Еще ночью сниться будет, – заслоняет ундериха глаза мальчишке. – Это что ж «лама» – то значит? Черт ихний, что ли?

– Какое черт! Впрочем, пес их знает! А вот еще «Лама так называемой красной секты в полном облачении». Нет, значит, лама-то – что-нибудь вроде татарской мурзы. Ну, мелкие-то картины мы пропустим, а вон там, в той комнате, большие картины виднеются, так мы туда.

Вся партия переходит в другую залу и останавливается перед большой картиной «Процессия слонов английских и туземных властей в Индии».

– Вот так штука! – вырываются восклицания. – Ведь это, пожалуй, на четырех двуспальных простынях наворочено! А краски-то, гляди, с пуд пошло.

– Вон вверху на слоновой спине англичанский генерал в красном мундире сидит, – указывает ундер жене. – Этих птиц я уж по крымской кампании помню.

– А это что за картина, вот где пустое-то место? – спрашивает ундериха про картину.

– «Утро до восхода солнца на озере Кашмир». Видишь: небеса, туман и вода.

– На кашемире, ты говоришь, эта картина нарисована? Ну, конечно, где же на кашемире рисовать. Оттого ничего и не вышло.

– Просто она еще не закончена, – замечает чуйка. – Видите, только еще грунтовка положена. А здесь он, наверное, тоже слона нарисует. Кто ж такую картину купит?

– А может, из-за рамки и из-за полотна. Пустого места – гибель. Коли ежели сходно продается, то отчего же? Тут вывесочник из мордомазок какой хочешь тебе патрет намалует, и выйдет картинка, чтоб над диваном повесить.

– Господа, пять часов! Выставка закрывается! – возглашает сторож.

Публика начинает выходить из залы.

Дева Дуная

За полночь. Жена уж спит, на двуспальном высоком и широком ложе. Она совсем утонула в пуховиках и подушках. Ни тела, ни лица ее не видать; только и виднеется жирная и белая рука с обручальным кольцом, на которой ни один врач не сумел бы прощупать пульса, да слышно сопение с легким присвистом. Вошел муж – не то мелкий торговец, не то амбарный артельщик большого торгового дома. При свете лампы он снял с себя шубу и повесил ее на гвоздь, сбросил длиннополый сюртук, начал стаскивать высокие сапоги бутылками, заскрипел стулом, и в это время жена проснулась.

– О господи! Андриан Данилыч, это ты? – проговорила она спросонья, поднимаясь на постели сфинксом и выставляя из пуховиков голову.

– Я, я... Кому ж чужому об эту пору войти! – отвечал муж.

– Где ж это тебя неумытые, не к ночи будь помянуты, до сих пор таскали?

– Уж и неумытые таскали! В балете был, «Деву Дуная» смотрел. И не думал, и не гадал в театр попасть, да Василий Прохоров подвернулся. «Пойдем да пойдем», ну и забрались в галдарею. Неужто на Масленой-то сходить нельзя?

– Сам ходишь, а жену свою единородную дома взаперти держишь. Нет чтоб с собой взять.

– Да пойми ты, что я и не собирался. А у Василия Прохорова билет лишний был. Купил он для жены, а у той утробу с блинов подвело, ну, он мне и спустил с уступкой.

– Все-таки вот другие своим женам билеты покупают, а ты никогда.

– Куплю. Я тебя в Александринку пару раз на Масленой вывожу. Там, по крайности, словесной разговор, а здесь балет и разговоры ножные и ручные на глухонемой манер, так какой тебе интерес? Что за радость бабе на женское голоножие смотреть. Этот вкус вы и в банях видите.

– А сам-то небось смотрел.

– Сам! Билет случайно выдался, да и, кроме того, я думал, что оперное происшествие будет, а оказался балет. Знал, так бы и не пошел. Ведь одно ногодрыгальное мелькание перед глазами и больше ничего. Языкочесальная игра много лучше. А в балете даже и понять трудно, что происходит.

– Полно мне зубы-то заговаривать! Поди, сам так и впивался буркулами в женскую декольту эту самую.

– Ну вот, стану я впиваться! Что мне декольта! Не выдался я декольты! А ежели и смотрел ножную игру, так чтоб своей собственной декольте все это балетное происшествие рассказать. Вот моя законная декольта лежит, так зачем мне чужую? Не жалею, что не была. Убытка немного!

Муж нагнулся к жене и чмокнул ее в щеку.

– Фу, как винищем-то от тебя разит! – проговорила жена.

– А уж без этого нельзя. Ау, брат! После представления зашли в трактир двух балетных утопленников помянуть, ну и выпили по паре собачек померанцевой горечи. Хоть и театральное потопление было, а все-таки нельзя без поминовения. Дева Дуная с конюхом утонули, так по ним тризну справил. Да вот я тебе сейчас расскажу, как дело было, – говорил муж, лег в постель и продолжал: – Только ты не пугайся насчет покойников. Балетные покойники по ночам сниться не будут. Ну-с, первым делом представлена река Дунай, та самая, через которую наши к туркам переходили, а на берегу хижина и в ней болгарская маменька с дочкой Девой Дуная от турецких зверств спасаются. Чудесно. Выбежала эта самая Дева Дуная из хижины, посмотрела по сторонам, видит: турок нет – и давай танцами ноги расправлять. А ей навстречу конюх турецкий и глухонемым манером показывает, что очень, мол, я вас, Дева Дуная, люблю. А она ему ногами: «Полно, – говорит, – тебе врать-то». А он: «Ей-богу, не вру, и так как ты

большую меланхолию к русским солдатам чувствуешь, то я даже мухоеданскую веру могу бросить и в росейские егаря пойду служить». А Дева Дуная ручками ему машет: «Так, – говорит, – тебя твой турецкий паша и отпустит в русскую веру и в русские егаря!» Завертелся это после этих слов конюх на правой ноге, а левой и говорит ей такие глухонемые слова: «Да я теперь в конюхах не у турецкого паши служу, а у Бубнового валета. Что мне паша! Плевать мне на пашу». – «Ну, коли веру мухоеданскую бросишь и в егаря поступишь, то давай перевенчаемся». Сказано – сделано, и давай плясать с радости. К ним на подмогу выскочили другие болгары и болгарки и стали им подсоблять плясать. Плясали, плясали, но так как радость у них чужая, то бросили и убежали по своим делам. Чего из-за чужого дела ноги ломать! А Дева Дуная с конюхом все пляшут да пляшут, и доплясались они, мать моя, до того, что упали на скамейку от усталости да и заснули. Из пещеры вышли девушки, должно быть, белье там стирали, начали у них в носу соломиной щекотать, а они все спят и ничего не слышат. Вдруг выскочила мать Девы Дуная и кричит конюху по-балетному: «Селифонт! Тебя Бубновый валет ищет и даже сюда идет!» Ну, тут они сейчас проснулись, а матка Деву Дуная начала ругать: зачем она спит, вместо того чтоб работать. Хотели даже подраться, да Бубновый валет этот самый пришел, и с ним прислуга разная и народ мужской и женский и у всех юбки и штанины подсучены выше колен. Должно быть, рыбу неводом в Дунае ловили. Вошел Бубновый валет, и сейчас лакеишки евонные развернули на палках пригласительный билет такого свойства: «Господин Бубновый валет покорнейше просит к себе весь народ пожаловать на чашку чаю и на смотрины, так как он из женского сословия, при своей холостой жизни, хочет выбрать невесту, чтоб перевенчаться». А билет на простыне напечатан. У нас по новой моде на атласных лентах приглашение печатают, а у них на простыне. И тут Бубновый валет пятку кверху поднял и такие слова пяткой сказал: «А кто, – говорит, – ко мне из женской нации на выбор не явится, на того я первым делом турецкие зверства напущу, а потом голову с плеч долой. Только чтоб на смотр непременно при всем голоножии являться».

Второе действие у Бубнового валета на галдарее, на берегу Дуная. Сидит он сам на троне, а конюх его гостей из женского сословия принимает и все ему рекомендует их. И все по сортам поделены. Первым подвел девиц сорт похуже, в розовых юбочках, а валет головой машет: «Не по нраву, – говорит, – мне этот сорт». Подвел ему конюх в зеленых юбочках: «Эти, – говорит, – для вашей милости поинтереснее...» А валет им рукой: «Брысь!» С третьим сортом то же самое. Одна было и приглянулась валету, да вдруг показалась Дева Дуная. Сама она нейдет, а ее матка ейная силком тащит. Как увидал ее валет – тут ему и смерть пришла! В один миг сердцем пронзился и говорит своему секретарю: «Мухамед Какюмыч, вот, – говорит, – моя невеста, и ежели она танцам обучена, как следует, то я с ней и перевенчаюсь». А Дева Дуная и руками, и ногами, потому уж в конюха влюбившись. «Нет, господин валет, я танцы танцевать не умею и потому за вас замуж не пойду». А валет ей: «Ничего, научат, у меня и учительша припасена». Стали учить Деву Дуная. Не выходят у ней танцы, да и конец, потому что она притворяется, что не умеет танцевать, и одной ногой делает такие балетные слова: «Чтоб тебе, валету, сдохнуть», а другой: «Ах, милый конюх, как я тебя люблю». Ну, согласия-то и нет. А конюха в это время и дерни нелегкая подскочить да за руку Деву Дуная взять, чтоб мерси ей сказать. Мерсито и сказал на свою голову. Почувствовала Дева Дуная в своей руке конюшенную руку, воспламенилась сердцем да и давай с ним уж настоящие балетные танцы танцевать во всем любовном виде. Валет увидал эти танцы, закричал перстами: «Ведите меня сейчас с ней к мурзе мухоеданской под венец!» А Дева Дуная ему отказ. «Ну, коли так, мы турецкие зверства пустим», – сказал валет. «И турецкими зверствами, – говорит, – ничего не возьмешь, потому я до пронзительности всех семи чувств в конюха влюблена и уж лучше утоплюсь». – «Ан, не утопишься!» – «Назло утоплюсь». И тут Дева Дуная улыбку коварную сделала, вбежала на галдарею, прыг оттуда в Дунай, и только пузырьки пошли. Ну, тут сейчас смятение. Начали ей в реку веревки кидать. Да уж словишь, как же, держи карман! Дева Дуная утонула,

а конюх совсем в бесчувствие чувств от жалости пришел, и начало его кочевряжить, словно кликушу порченную. Помотался с четверть часика, с товарищами поругался, супротив валета шпагу вынул, подумал да и сам бултых за Девой Дуная в Дунай.

Потом Дева Дуная оказалась русалкой в подводном царстве, а конюх около нее прислужившим и поступил уж не в егаря, а в кучера к воденику. Два утопленника было, так как же их не упомянуть за упокой! Да ты спишь? – спросил муж жену.

В ответ раздалось сопение.

– Ну, заговорил зубы! Без ругательной словесности дело обошлось, – добавил он и умолк.

Знакомые разговоры

- Ну, что же, выиграли вы вчера что-нибудь на пятипроцентные билеты?
- Чуть-чуть не выиграла.
- В том-то и дело, что чуть-чуть не считается.
- Нет, вы представьте себе какой случай: номер билета подошел, но серия 18151, а у меня 15181. Ежели читать наоборот, то выиграла. Это уж даже совсем обидно. Я чуть не заплакала.
- Есть о чем плакать! – замечает муж. – Ежели бы и выиграла, то только пятьсот рублей. Что это за выигрыш? Тьфу! И больше ничего. Не стоит из-за этого крови портить. Вот ежели бы двести тысяч, семьдесят пять тысяч, сорок тысяч, наконец хоть двадцать пять тысяч – это я понимаю. А то мучаешься, мучаешься, терзаешься душой, по ночам сны какие-то страшные видишь, и вдруг за это пятьсот рублей!
- Все-таки лучше, чем ничего, – стоит на своем жена.
- Пустяки. Здоровье дороже пятисот рублей. Нет крупного выигрыша – черт с ними, остальными!
- Вот ты всякий раз чертыхаешься, оттого тебе Бог и счастья не дает.
- А тебе дает?
- Все-таки близко было. Чуть-чуть не выиграла. В этот тираж чуть-чуть, а в следующий, пожалуй, и внастоящую выиграю.
- Я тебе прямо, Матрена Петровна, говорю: ежели ты пятьсот рублей выиграешь, то я этот билет и вместе с выигрышем в нищенский комитет отдам, потому это будет насмешка и больше ничего. Помилуйте, у целого семейства в течение четырнадцати лет души дрожат, как овечьи хвосты, по два раза в год, и вдруг пятьсот рублей!
- Я тебе несколько раз говорила, Антон Игнатьевич, что нам нужно поменяться билетами. Ты возьми себе четные номера серий, а мне дай нечетные, а то у нас наоборот.
- Зачем же это? Четные номера серий женщине больше приличествуют, чем нечетные. Замужняя женщина очень часто бывает чет, а мужчина – никогда. Он всегда нечет.
- То есть как это? – спросил гость.
- Очень просто, – отвечал хозяин. – Вот и теперь она в интересном положении – значит, чет, потому что в ней сосредоточиваются два живых существа, а я нечет и никогда четом не буду.
- Ах, в самом деле, пожалуй, что это и так! – воскликнула жена. – А я-то дура!.. Но отчего же я ни разу не выиграла? И ведь знаете что: в день тиража даже постилась, ничего не пила, не ела, пока муж из банка таблицы выигрышей не принес. А ведь как есть хотелось-то! Сажу у окна, поджидаю его и вижу, что он идет такой печальный-препечальный, ну тут я сейчас схватила филипповскую сайку с миндалем и изюмом и давай ее есть, как крокодил.
- А я так даже пелену в нашу церковь при своих старых глазах сбиралась вышить, и вдруг тоже ничего! – проговорила сидевшая тут же теща и вязавшая чулок. – А у меня билет-то какой! Три ноля на конце.
- Захотели вы уж ждать что-нибудь от нолей! Оттого и не выигрываете, что три ноля! – сказал гость.
- Нет, позвольте, батюшка, и номер билета третий, – остановила его старуха. – А этот номер я даже во сне при пророчестве видела. Вижу я, что будто передо мной спускается на радужном облаке старец с брадою до чресл. Спустился и развернул свиток, а на свитке номер третий. Ну, как же после этого не уповать!
- Просто вы, маменька, слепа не разглядели, – сказала дочь. – Старец вам на свитке цифру пять или восемь показывал, а она вам показалась за три.
- Ну вот! То есть так явственно видела, что и сказать нельзя!

– Что вы толкуете! Вы вон в воскресенье видели, что мимо наших окон шел Петр Семеныч и кланялся, а на самом деле это был Иван Иваныч. Так вам и номер во сне показался. Ведь без очков спали?

– Без очков.

– Ну, вот видите ли! А то уж как бы не выиграть при таком случае?! Прикажете еще стакан чаю? – обратилась хозяйка к гостю.

Тот потирал лоб.

– Нет, я все о чет и нечет думаю, – проговорил он, не отвечая на вопрос. – Вы меня навели на счастливую мысль. Знаете что? Я думаю поменять наши билеты, взять все с четными сериями и четными номерами и сделать их принадлежащими мне и жене без деления на ее и на мое счастье. Тогда, может быть, будет и удачнее. А то счастье с самого начала тиражей хоть бы плюнуло на нас. Детей мы не имеем и, значит, вкупе с женой составляем чет. Авось хоть тогда-то...

– Да конечно, попробуйте, – отвечали все в один голос.

– Чаю еще стаканчик, Семен Семеныч, прикажете? – повторила вопрос хозяйка. – Вот с бараночками. Баранки отличные!

– Что чай, сударыня! Бог с ним и с чаем! Я вот все думаю: ведь есть же иным счастье!

– Дуракам, – отрезал хозяин.

– Да я готов и дураком быть, только бы выиграть хоть семьдесят пять тысяч. Скажите, вы не слышали, кто выиграл двести тысяч?

– Да разное толкуют. Я был в банке. Сначала говорили, что какой-то чухонец-трубочист, потом что будто девица какая-то из какого-то неприличного дома. А уж стал я уходить, так бежит мне навстречу ундер и рассказывает, что двести тысяч монаху достались.

– Просто там, в банке, каких-то несуществующих лиц придумывают, – сказал гость.

– А что вы думаете? Раз даже действительно несуществующее лицо выиграло, – ухватился за слово хозяин. – Я даже и девицу-то эту знавал, когда холостым был. Конечно, пятьсот рублей, но все-таки выигрыш.

– Однако ежели вы девицу знавали, то это лицо существующее, – перебил его гость.

– Позвольте-с. Жила эта девица с одним старичком, ну и случился грех, а старичок-то взял да и положил ей в банк на будущего ребенка пять выигрышных билетов. И что ж вы думаете? Пятьсот рублей как с неба упало, а ребенок-то еще и рожден не был.

– Но все-таки он существовал.

– Девица поехала куда-то кататься на тройке, вывалилась из тройки, заболела, и в конце концов – пустоцвет.

Жена всплеснула руками.

– Отчего же, Антоша, ты мне раньше этот случай не рассказал? – воскликнула она.

– Матушка, забыл!

– Вот ты всегда хорошие вещи забываешь, а всякую дрянь рассказываешь. Маменька, слышите какой случай? Неродившийся ребенок выиграл! Ах, боже мой, как это было бы кстати, и вдруг мы упустили такой случай!

– Не волнуйся, друг мой, тебе нехорошо, – остановил ее муж. – Ты в таком положении.

– Чего нехорошо! Сами надразните, а потом нехорошо! Отчего вы до сих пор об этом молчали? Или вы думали, что я вам глаза выцарапаю за то, что вы с содержанкой знакомы были? Когда я вам глаза выцарапывала? Отвечайте!

– Да что ты, Матреша!

– Да, я Матреша, а вы старый дурак, облезлый болван! Боже мой! Счастье нам давалось прямо в руки, а он молчал! Да пойми ты, стоптанная подошва, что мы могли бы назначить билет нашему будущему ребенку, и теперь уж сидели бы с выигрышем!

– Душенька, да ведь то ждала ребенка девица, а ты замужняя женщина. Тут все-таки большая разница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.